

ШЕДЕВРЫ ФЭНТЕЗИ

18+

ЗАКОН ОРДЕНА

ПЕТР ГУРСКИЙ

Шедевры фэнтези

Петр Гурский
Закон Ордена

«Издательство АСТ»
2013, 2014, 2016, 2019

УДК 821.162.1
ББК 84 (4Пол)

Гурский П.

Закон Ордена / П. Гурский — «Издательство АСТ», 2013, 2014, 2016, 2019 — (Шедевры фэнтези)

ISBN 978-5-17-120893-6

Этот мир построен на крови подземного народа, побежденного и униженного, но до сих пор лелеющего планы мести. В этом мире города-государства плетут заговоры друг против друга, в нем обитают настоящие драконы, а по дорогам бродят чудовища и живые паяцы в масках из человеческой кожи. Здесь самый краткий путь проходит по сводящим с ума Живым лабиринтам, а к преступнику может прийти таинственный человек в белом, который хочет его простить. И нет ничего хуже этого прощения. Охотник за головами Кестель получает заказ на воровку и убийцу, которая некогда сбежала из жестокого Ордена, заправляющего в этих землях. Кестель должен доставить ее в город Арголан, средоточие законности, где она будет биться со своими обидчиками на Арене под радостные крики довольной толпы. Жертва подозрительно быстро попадает в сети ловчего, и вскоре тот понимает, что ввязался в непростое дело. Правда, он и сам мало похож на обычного человека. Впрочем, в этой истории все не те, кем кажутся, а простой заказ оборачивается поиском таинственного артефакта, способного кардинально изменить баланс сил во всем мире. Или же обречь того, кто его найдет, на участь хуже смерти.

УДК 821.162.1
ББК 84 (4Пол)

ISBN 978-5-17-120893-6

© Гурский П., 2013, 2014, 2016, 2019
© Издательство АСТ, 2013, 2014, 2016,
2019

Содержание

Закон Ордена	7
Пролог	7
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	39
Глава 7	44
Глава 8	50
Глава 9	57
Глава 10	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Петр Гурский Закон Ордена

**Piotr Górski
REGUŁA ZAKONU
KUŹNIA, W KTÓREJ UMIERALI
ZŁOŚĆ BOGÓW
NIEPOMSZCZENI**

Reguła Zakonu © 2019 Piotr Gorski
Kuźnia, w której umierali © 2013 Piotr Gorski
Złość bogów © 2016 Piotr Gorski
Niepomsczeni © 2014 Piotr Gorski
© Дмитрий Могилевцев, перевод, 2021
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Закон Ордена

Пролог

Она привыкла к тишине, а мужчина шумел напропалую: ломился сквозь заросли, ступал на сухие ветки, чуть не провалился в болотное окно, затянутое колыхающимся под ногами слоем дерна, и громко выругался, будто и не придавал значения тому, что его могут услышать.

Тана скользила за ним как привидение, вся слух и внимание. Она уже восемнадцать бесконечных нудных месяцев стерегла здешние места, и за все время никто сюда не заглядывал, и даже не проходил поблизости. Тана представляла себе, что незваный гость – если он, все-таки, объявится – подкрадется тихо и неприметно, напуганный, опасливый. А гость продирался сквозь лес будто стадо кабанов.

Удивляло облачение мужчины: всего лишь черные штаны и белая льняная рубаха. Босоножий, без оружия, ничего в руках. В таком виде не ходят по лесу, в особенности по здешнему, где папоротники ранят словно ножи, жадный до крови золотой пырей обвивается вокруг лодыжек, а от крапивы бьют судороги.

Когда мужчина вышел к озеру, уже смеркалось. Трудно вообразить себе горшее время для визита к Лебяжьему озеру. Но гость не собирався оставаться на берегу – посмотрел на голубую прорву, глубоко вдохнул и ступил в воду.

Тана присела за кустами, окаймляющими узкую полосу песка на берегу, оглянулась. Кирие поблизости нет. А тем временем мужчина неторопливо удалялся от берега. Вот вода уже по пояс. Вот по грудь.

Первая лебедица появилась, когда мужчина зашел по шею. Лицо с тонкими деликатными чертами, но не слишком привлекательное. Зато уж тело... нагое, кожа бела как снег, чудесные бедра, а груди такие, что заставляют клониться под их тяжестью. Тана даже слегка позавидовала.

Лебедица стояла, погрузившись лишь по икры. Она протянула белую руку к мужчине. Он, как заметила Тана, не сразу решился взять ее. Но взял – и тут же выступил из воды, словно принял чужую силу. Оба пошли по поверхности озера, взявшись за руки.

Когда они отошли дальше от берега, вынырнули еще трое – с лицами такими же, как у первой, с абсолютно такими же фигурами. С глаз и волос текла вода, ручьем лилась из открытых ртов. Тройка окружила идущую пару. Первая лебедица повернулась к мужчине, придвинулась вплотную.

Пока она целовала его, три другие содрали с мужчины рубашку и штаны. Он встал перед ними нагой, с кожей намного темнее, чем у них, темноволосый, с большой непонятной татуировкой на руке. Лебедицы обнимали его, гладили, целовали. Он не оставался в долгу – одной рукой безуспешно пытался охватить

грудь первой лебедицы, вторую руку вложил между ног ее товарки. Третья опустилась на колени. Тана нисколько не сомневалась в том, для чего именно. Последняя прильнула к спине и целовала в плечи.

Тана смотрела, не отводя глаз, и старалась сдержать нарастающее возбуждение. Ах вы курвы озерные!

Вдруг она ощутила рядом с собой живое тепло. Кирие сумела подкрасться, будто охотящийся кот.

Ох.

Вылитая дикарка: копна спутанных волос, грязное худое лицо, обведенные пеплом глаза так и горят. И такая милая!

– А ведь они его утопят! – яростно прошептала Кирие.

Тана развела руками. Ну, утопят, и что? Дуракам свойственно находить дурацкую страшную смерть.

Мужчина уже едва различался в сумраке. Тана видела почти только лебедиц. Вода, прежде доходившая лишь до икр, уже была выше колена.

– Ну вот, уже затягивают...

В темноте едва различались белесые фигуры, погружившиеся уже по пояс. Вдруг донесся всплеск, хрипы, звуки яростной возни. Снова всплеск, громче прежнего – и все стихло. Над кронами деревьев показался месяц, осветил безукоризненно ровную гладь озера.

– И всего-то, – вполголоса произнесла Кирие.

– Однако интересно: вправду ли они сделали ему так хорошо перед смертью, как о том рассказывают? – задумчиво произнесла Тана.

Ночь пришла величественная. Было в ней что-то магическое. Обе женщины не двинулись с места. Озеро казалось невероятно прекрасным, торжественным – но и безмятежным, успокаивающим. Кирие уселась на сломанном корне, свесила голову – будто заснула.

Тана не ощущала сонливости, но и ее веки тяжелели, голова потихоньку опускалась. Наконец Тана сдалась ночному покою.

А когда она, вздрогнув от внезапного предчувствия, открыла глаза, мужчина уже выходил из воды. Он был наг – лебедицы содрали одежду. Он кашлял, отхаркивал воду. Даже в скупом лунном свете было заметно то, насколько изувечена шея, синюшно-багровая до самых плеч. Глаза мужчины были широко раскрыты, руки дрожали.

Сон мгновенно улетучился. Тана поднялась, коснулась плеча Кирие. Та пробудилась так же тихо, как и заснула. Обе женщины терпеливо выждали, пока мужчина углубится в лес, затем Кирие показала жестом, что пойдет одна, и скользнула следом. Тана выждала еще немного и пошла за ними. Если она склонялась над землей, преображенные зрачки без труда отыскивали отпечатки стоп.

Мужчина задержался в лесу, затем направился в сторону Воон Дарт, небольшого и скверного поселения. Днем его было видно с опушки. Дальше Тана не пошла, уселась под деревом. Кирие вернулась под самое утро, бросила на землю бурдюк, полный белого вина.

– Он остался в корчме, – сказала Кирие. – Пил до утра, снял комнату и остался отсыпаться в ней.

– Он отправился туда голышом?

– Нет. У него на краю леса оказались и одежда, и целый арсенал оружия. Вояка, причем доподлинно знавший, куда идет и чего ожидать.

– А как он выжил? – осведомилась Тана.

– Не имею понятия. Как подумаю о том, мурашки по коже. Ты видела, что он унес из озера?

– В руках, похоже, ничего. Но я не уверена.

– И я толком ничего не заметила, – призналась Кирие. – В корчме он просто сидел и пил. Тана взялась за бурдюк, попробовала вина. Слишком уж сладкое.

– Я пойду за ним, – объявила Кирие. – Ты передашь известия госпоже Аталоэ. Думаю, она захочет заменить меня и заняться слежкой сама. А перед тем передай сестрам с западного берега, чтобы шли к нам.

– Как-то оно все странно и удивительно, – заметила Тана.

– Мы знали, что будет странно и удивительно, – сказала Кирие.

Когда принимали вахту, магистресса Этрасаоэ Мастерия Аннэ предупреждала о том. Но обе следопытки восемнадцать месяцев видели только деревья и диких зверей и до этой ночи считали слова магистрессы ложью. Вся верхушка Ордена непрестанно лгала по поводу и без повода.

Кирие направилась назад, к Воон Дарт и корчме. Кирие понадеялась на то, что мужчина еще не оставил свою комнату.

Глава 1

Сестры Ама, которых он видел до сих пор, были низкорослые, коренастые и с ногами, волосатыми как у плосколицых. Алия Лов, хоть из Ордена, была совсем другая: высокая, стройная, с гладкой, как после мазей, кожей, без узловатых мышц, обычных для женщин-воинов. Она лежала на песке и плевалась им в сапоги Кестеля. Он же, наклонившись, острием меча касался ее грудины, а верней, деликатного местечка между грудями, и с удовольствием рассматривал поверженную добычу.

Кестель не ожидал того, что все получится так запросто.

Дело закончилось пополудни. На тракте было светлей, чем в лесу, ветер шелестел в кронах деревьев. Чтобы легче было двигаться, Алия сбросила плащ, оставшись в легких кожаных доспехах. Наверное, она носила их украшения ради. Они больше открывали, чем прятали. Кестель не торопился. Рассматривал неспешно, с удовольствием.

Да уж, такое тело. То бишь тело у любого есть. Но не такого свойства и сорта.

Он осторожно передвинул острие, чуть больше раскрыл кожаное декольте. Ох, только глупцы ходят драться с драконами. Гораздо приятнее побеждать красивых женщин.

Алия испустила такой поток брани, что у Кестеля перехватило дух. Ну, говорят же некоторые, что женщина – худшая из бестий.

– На живот! – скомандовал он и убрал острие.

Он придавил коленом ей плечи – не слишком сильно, чтобы не навредить, – и связал руки. Ох, трудно оторвать взгляд от такого задка. Такая аппетитная округлая попа.

Кажется, Алия ощутила, во что именно уперся его взгляд.

– Ты, паскудник, и не надейся! Если тебе дорог твой кусок мяса, и не думай пробовать!

Кестель не обратил внимания на угрозы и перевернул пленницу на спину. Алия стиснула колени.

– Расплющу тебе, если только попробуешь. Уж я-то сумею!

Он одним рывком поднял Алию, поставил на ноги, затем подобрал ее кривые, очень легкие мечи. Оттого, что нагнулся, он ощутил все свои шрамы.

– Чего ты вообще хочешь? – выплюнув остатки песка изо рта, спросила Алия. – Вот же прицепился! И подумать только, что я вовсе и не хотела идти этой дорогой.

Он спрятал мечи в дорожный мешок, так что снаружи торчали лишь рукояти. За мечами отправилась и маска: серебряная, украшенная кровавыми слезами. Маску Алия не успела нацепить – Кестель застал врасплох.

– Я и так нашел бы тебя, – заверил он.

– А ты искал меня?

Он пожал плечами, посмотрел на колыхающиеся под ветром кроны деревьев, на лицо Алии, ярко освещенное послеполуденным солнцем. Такая здоровая, смугловатая кожа. Безупречная, если не считать трех шрамов на правой скуле, очень нежных, будто от кошачьих когтей. Нос прямой. Вполне приятный нос, надо сказать, а рот так и кричит: «Поцелуй меня!» Шея сильная, жилистая, но очень даже симпатичная шея. Правда, смотрит добыча совсем нехорошо. Ну да ладно.

– У меня на тебя грамота.

Алия зажмурилась, провела языком по пересохшим от пыли губам.

– Вот же сукин сын! Так ты ловчий.

– Кестель Самран Нетса к вашим услугам.

– Кестель, – повторила она. – Хм, а ты не от Театра? Даже и не знаю, хорошо это или скверно...

– Какая разница? Так или иначе завезу тебя в Арголан.

Она мотнула головой – стряхнула упавшую на глаза прядку волос, посмотрела спокойно, вызываяще.

– Ну да, разницы никакой. А ведь я слышала про тебя. Ты же повсюду обо мне расспрашивал, а я-то не приняла всерьез. Поддай мне плащ.

На краю дороги, за молодым буком, стоял сплетник-болванчик, присматривался, кивал головкой, высовывал язык.

Тряпичные веки поднялись, упали. Затем они открылись снова. В темноту уставились неподвижные деревянные глаза.

Бомол встал. Стены пещеры сочились влагой, о камни барабанили капли воды. Для кого-нибудь с менее утонченным вкусом этот звук мог бы стать пыткой, но Бомолу он звучал музыкой. Он поплелся сквозь сумрак, подволакивая гибкие ноги, открыл сбитую из нестроганных досок дверь и вошел в столь же темный зал, глубоко вдохнул прекраснейший в мире запах препаратов и средств для сохранения плоти.

Бомол не разжигал факелов. Он боялся огня, способного в мгновение ока истребить тряпичное тело. Да Бомолу и не требовался свет, чтобы снять с полки то, за чем пришел. Потом Бомол, сгорбившись, поплелся в соседний зал, где было уже чуть светлее: сквозь дыру в потолке падал солнечный луч, расщеплялся на тысячу оттенков.

Там Бомол посмотрел на то, что держал в руках – на препарированную людскую голову. Кости черепа поддавались нажатию, прогибались, но, отпущенные, возвращались на прежнее место. Бомол сунул голову на свою, тряпичную.

Затем он снял со стены руки и натянул на свои веревочные, приклеил ладони белой живицей из глиняного кувшинчика с плотной крышкой. Ноги Бомол достал из сундука и пришил нитью из выделений амсорпака. Работа заняла много времени, и по ее окончании Бомол без удовольствия осмотрел сделанное. Ну ладно, можно надевать штаны и, наконец, заняться главным. Бомол взялся распускать шнуровку на груди.

Он уселся, раздвинул внутренние слои ткани и коснулся новыми ладонями сердца. Он долго сидел и слушал стук, тихий, словно битье часов в большом доме, ощущал биение меж пальцами.

Но в конце концов слушать наскучило. Бомол развязал очередную шнуровку, выдернул сердце и бросил в просмоленное ведро с водой. Плеснуло, разлетелись брызги.

Бомол зашнуровался, надел на тряпичное тело камзол оленьей кожи, взял пару кинжалов, один из которых проржавел, сунул в ножны на спине.

Бомол пошел по коридору, то и дело спотыкаясь, теряя равновесие. Слишком тяжело. Очень уж много взял с собой. Но Бомолу тяжесть даже нравилась. Он знал, что скоро привыкнет и перестанет ее замечать. Зато с каждым шагом нарастали возбуждение и радость – как всегда, когда выходил на охоту.

Бомол вышел из пещеры.

Сплетник-болванчик уже заткнулся и скрылся меж деревьями.

Виана ДаХан вытащила из подпола землянки тяжелую стальную трость, препоясалась острой лентой нансее, уселась на старом пне и глотнула ферментированный сок плодов гардоа из заплесневелой глиняной бутылки. Солнце уже клонилось к горизонту. Да, ждать пришлось долго. Но пришла пора, и теперь надо действовать быстро и решительно.

Виана надела обшитый рыбой чешуей кафтан и маску трески. Когда-то давно, на заре жизни, когда ее солнце еще всходило и Виана грелась в его лучах, она верила в то, что плохое случается лишь с плохими. Тогда ей и в голову не пришло бы надеть такую маску. А теперь Виана с искренним облегчением укрылась за мордой трески, маской безумцев. Морда трески будит отвращение, но не интерес. Виана не хотела показывать миру свое плоское лицо.

Она устала ждать, устала прятаться, жить в одиночестве, скитаться по лесным землянкам. Хотя на эту не приходилось жаловаться: теплая, просторная. Повезло. Немногие из тех, кто отказался от переписи, могли так хорошо жить.

Но мысль об этом не утешала. Скорее, Виана ощущала себя из-за этого виноватой. Она допила и в ярости швырнула бутылку в ближайшее дерево. Та не разбилась – отскочила от коры и упала на тропу.

Скверный знак.

Виана осмотрелась. Увы, сплетник-болванчик уже давно убежал.

Все трое сидели за каменным столом, окруженным замшелыми каменными глыбами величиной в дом. Гамрон, младший из братьев Шерон, схватил пустой кувшин и на минуту скрылся в бревенчатой хате, которую братья с большим трудом строили уже несколько лет, и все никак не могли закончить. Вернулся Гамрон с полным кувшином горячего меда, разлил его по глиняным кружкам. Братья пили и глядели на тучи.

Сплетнику-болванчику не терпелось. Он непрестанно болтал и подходил все ближе. Старший из братьев, Хавараш, следил за ним краем глаза.

– Что там в Клоокблоке? – будто не замечая болванчика, спросил Хавараш.

– Да ничего, – ответил средний, Урахат. – Шлюхи да трах.

Хавараш кивнул, будто такого ответа и дожидался. Он был старший не только возрастом, но и ростом, хотя и младшие отнюдь не были карликами.

– Гамрон, принеси-ка мяса.

Младший неохотно поплелся к границе каменного круга, к подвалу, где хранилась соловина. Болванчик уже прямо лез из кожи вон: махал руками, тоненько вскрикивал, подходил ближе – и только единожды отвлекся, посмотрел на Гамрона. Тот уже зашел болванчику за спину.

Гамрон оставил подвал, прошел вдоль заросших терном скал и встал у единственного выхода – закрыл дорогу.

Сплетник застриг ушами, обернулся, сгорбился, вздыбил шерсть, глазки нервно забегали – наверное, начало доходить. Но болтать тварь не перестала.

Хавараш подумал о том, какое же сплетник-болванчик удивительное и странное создание. Других таких трудно сыскать.

– Давай кончай с ним, – приказал Хавараш.

Гамрон был без меча, потому взял прислоненную к скале дубину. Из дубины торчал гвоздь толщиной в большой палец.

Младший сплюнул под ноги.

Средний поднялся, раскинул руки.

Задумавшийся Хавараш поднес кружку к губам. Мед обжигал.

Напуганный сплетник-болванчик попятился на два шага, прижал уши к голове – и непрерывно болтал.

Урахат кинулся на тварь, та метнулась к выходу. Болванчик хотел проскользнуть сбоку, но Гамрон вовремя размахнулся – и хряснул вполоборота. Гвоздь вошел в узкий лобик, будто в мягкую сосновую древесину, череп лопнул.

– Курва! – буркнул подошедший слишком близко Урахат.

Он принялся вытирать с лица брызги крови и мозга, злобно глянул на брата.

– Ну нахера было так махать?

Кестель хотел быстро и тихо доставить Алию по назначению. О ней могли вспомнить друзья-приятели. Конечно, вряд ли такая особа, как Алия, могла обзавестись друзьями-прия-

телями, но лучше было не проверять. А пуще Кестель опасался врагов Алии – всех тех людей и нелюдей, кому она напакостила и кто мог бы захотеть мести.

– До Арголана – долгий путь, – сообщила Алия и поджала красивые губы.

Кестель оценил изящество – и реальность – угрозы. В самом деле, пусть сам он и мог постоять за себя, в одиночку вряд ли смог бы доставить добычу в Арголан. Но в окрестностях Клоокблока сейчас кружили обозы охотников Театра. Начальствовал над ними, скорее всего, сам Туут.

– Думаешь, отдать меня на Арену – хорошая идея? – осведомилась Алия.

Кестель не ответил. Они сошли с тракта и двинулись лесом. Шлось медленно. Плохо слушалась левая нога, постоянно болел хребет. Конечно, оно в конце концов пройдет, как проходило всегда – но никогда полностью.

Под ногами шуршала палая листва. Увы, деревья уже блекнут. Осень не за горами. Да нет, она уже здесь, хотя по календарю еще лето. Осень ко всем приходит не вовремя.

– Плохо ты выглядишь, – заметила Алия. – Небось, больной?

Не хотелось ей идти молча. Кестель с минуту думал о том, всовывать ли ей кляп.

– И в таком состоянии ты охотишься? Если ж я брошусь наутек, ты не догонишь.

– Догоню. И с легкостью, – заверил он.

Она усмехнулась, блеснув белыми зубами.

– Я уже говорила – до Арголана долгая дорога.

Болтовня начала злить Кестеля.

– Угу, – мрачно буркнул он. – Ты же сама Алия Лов. Убьешь меня аж пять раз.

– Не умеешь ты считать. Умирают только раз.

Она поморщилась, замерла, будто всерьез ожидала ответа. А Кестель вдруг ощутил теплый пресный ветер на щеках и тоже замер. Земля словно всколыхнулась.

– Нас ищут, – буркнул Кестель.

– Кто?

– Сама знаешь.

Гроблины, так их. Как же они узнали? А ведь ходили слухи о том, что Алия иногда работала с ними. Кестель не выносил ни гроблинов, ни их магии.

– Пойдем! – велел он и так сильно стиснул запястье, что Алия охнула.

– Да что такое?

Да пошла бы она! Ведь прекрасно знает, в чем дело.

Братья Шерон любили Алию Лов. Она никогда не выказывала симпатии к ним, не обнадеживала – но это лишь распаляло в них страсть. Они отдавали ей все, чего бы ни пожелала: золото, серебро, стальные кольца. Кровавый металл, потому что оплачен кровью. Алия приходила к ним, когда вздумается, пользовалась гостеприимством и исчезала, украв одного-двух коней.

Братья не обижались. В самую глубину их сердец намертво врезался образ Алии Лов – а она теперь оказалась в беде.

И каждый брат любил по-своему.

Хавараш любил дико и жадно, как оголодавший пес.

Гамрон любил мягко, поэтично, деликатно.

Урахат любил время от времени – слишком уж был занят, и сам толком не понимал, чего хочет.

– Сам толком не понимаю, чего хочу, – сказал он.

– Заткнись, – буркнул в бороду сосредоточенный, насупленный Хавараш.

Он склонился над каменным столом, держал в руках дощечки и двигал по ним алмазы.

– Нашел их?

– Похоже, да, – ответил Хавараш.

Камни ранили ему пальцы.

– А где?

– Вот здесь.

Братья склонились над дощечками. Свет преломлялся между камнями, открывал окно. Там виднелась пара. Мужчина явно спешил, тащил за собой связанную и очень злую Алию.

– По-прежнему красивая, – изрек Гамрон.

– До темноты не догоним, – определил Хавараш.

– И как тогда?

– Поставим на дороге что-нибудь, пусть их задержит, – решил старший.

– Что-нибудь обычное? – спросил Урахат. – Гору, озеро?

Старший задумался.

– Хм, насколько я ее знаю, она скорее убьет себя, чем даст тому паршивому ловчему.

– Хм, так подставим ему шлюху?

– Элегантную курву с манерами сагини. Пусть задержит его на ночь.

– Эх, мне б так задержаться, – вздохнул Урахат.

Глава 2

Ночь подступала холодная, влажная. Признаки магии гроблинов беспокоили Кестеля, и он заставил Алию шагать быстрее.

Они вернулись на тракт. Пробуждались ночные существа, повсюду шуршало и шелестело. Восходящий месяц осветил дорожный указатель, грубо высеченный на кладбищенском мраморе.

- По крайней мере у нас впереди приятный ночлег, – заметил Кестель.
- Ты свихнулся, – сказала Алия. – Ты что, всерьез хочешь там остановиться?
- Тебе там понравится.

Алия уставилась на лес, словно ожидала помощи оттуда. Вдалеке замаячила тень, но тут же развеялась от ветра. Кестель всматривался в темень, но ничего так и не разобрал. Может, попросту привиделась? Но тень уж больно знакомая.

Он не двигался, всматривался в раскидистые дубы. Под их корой дремала могучая Магия Крон, которую могли разбудить только Хозяева магии древних времен. Может, тень от дубов? Или кто-нибудь крадется следом? А может, это одно из предназначенных ему, Кестелю, видений? В последнее время они являются все чаще.

Он посмотрел на Алию, та отвела взгляд. Ага, значит, тоже видела.

Он потянул ее за шнур. Пора идти туда, куда указывает придорожный знак.

Узкая тропка вела к Багровой корчме. По лесам пряталось много таких диких харчевен-ночлежек. Их опекала сама Церковь – по крайней мере, по уверениям селян, живущих у леса.

Здание выглядело готовым развалиться с минуты на минуту. Старая вывеска болталась на одном гвозде. Ее шевелил ветер, старые доски скрипели.

Алия с Кестелем вошли внутрь. Алия упиралась, Кестелю пришлось силой пропихивать девушку в дверь. В корчме царил полумрак, однако в камине вовсю пылал огонь, пахло сажей и живицей. Кестель крикнул – и его голос погас среди стен.

– Как тут тихо, – шепнула Алия.

И вправду: звуки леса словно отрезало, все осталось за дверью. Кестель мгновенно соскучился по ним. Здесь тишину нарушало только потрескивание огня. Гости прошли вглубь, между столов. На их полированной поверхности отражался огонь. Кестель обвел комнату взглядом, держа ладонь на рукояти меча.

Оставалось только смотреть и ждать.

– Вы пришли исполнить свои мечты? – глухо пророкотало из угла.

Там стоял огромный мужчина, склонивший лысую голову. Кестель не замечал его раньше, потому что мужчины раньше там и не было. Великан посмотрел на гостей. На бледном, покрытом рунами лице плясали отблески пламени.

– Дашь нам поесть? – спросил Кестель.

Мужчина усмехнулся, беззвучно подошел. Он был в простой одежде монаха лесной святыни, а не в обычном облачении корчмарей. Руны красовались и на ладонях.

А, раб. Человек без имен и воли.

– Есть печень крысы из княжеских подземелий, ящерки, копченые на дереве эшафота, бычьи глаза в подливке. Питье – мед из подвалов Пепельных братьев, самогон из волчьего лыка, спирт с ведьминой ямы. И вода из колодца во дворе.

– Яичницу с ветчиной для меня и моей спутницы, – заказал Кестель. – И пиво. Обычное пиво из пшеницы и родниковой воды. Ты – корчмарь?

Мужчина кивнул. Вблизи была заметна сеточка морщин на его лице. Казалось, что руны движутся.

– У господина слишком уж простые желания. Господин меня разочаровал.

– А если побуду тут немного больше, то и разочарую сильнее, – пообещал Кестель.

Корчмарь поклонился и скрылся за дверями. Кестель указал Алии место у стены и развязал одну руку. Алия молча затрясла кистью, чтобы восстановить кровообращение.

Толстая женщина при переднике с обширным декольте принесла кувшин с пивом, налила в глиняные кружки, толкнула их через стол, к гостям. Алия и не вздрогнула. Кестель взялся за свой кубок, поднял и не поставил на место, пока не опорожнил. Пиво было холодное и великолепное – лучшее пиво в жизни Кестеля.

Женщина наполнила его кружку. Огромный бюст колыхался при каждом движении. Она ушла на кухню и вернулась с двумя тарелками, полными испускающей пар яичницы.

– Я – Альха, – представилась женщина. – Останетесь на ночь?

Алия покрутила головой.

– Мы останемся, – сказал Кестель.

Лицо Альхи расплылось в счастливой улыбке.

– Я приготовлю комнату, – пообещала она и ушла.

Кестель взялся за еду, побледневшая Алия угрюмо молчала.

– Убьют они нас, – наконец, прошептала она.

– Да. Такие уж тут обычаи.

– Отрежут нам головы, заберут, что есть, а тела бросят в колодезь.

– С меня особо нечем поживиться. И с тебя тоже, потому что все твое теперь принадлежит мне.

– Смерти хочешь?

Кестель снова потянулся за кружкой.

– Съешь и ты что-нибудь.

– Ты свихнулся? Во всем, что они тут дают, – сонное зелье! Но ты же знаешь, да?

Хорошо, когда она сидит так близко. Есть на что посмотреть.

– Как хочешь, – сказал он, прикончил свою яичницу и придвинул к себе тарелку Алии.

Та обернулась и увидела, как из-за двери на гостей смотрит женщина в переднике.

– Та баба глазееет на нас.

– Наверное, смеется над твоими сиськами, – заметил Кестель.

– Она следит за тем, как я пью.

– А ты не пьешь.

– Меня никто не заставит!

– Как хочешь, – разрешил Кестель. – Я выпью за двоих.

Хм, он победил ее в бою, заставил плестись через лес, и она была напоказ самоуверенная и заносчивая. А вот теперь проняло.

– Ты и вправду чокнутый. Неужто твой заказчик велел меня загубить в этом гнусном месте?

Он рассмеялся.

– А я еще позволила затянуть меня сюда!

Он смеялся и, слушая свой смех, подумал, что голос изменился и смех похож на гоготанье ящера.

– Ох и болтливая ты, – сказал он, отсмеявшись. – Заказчик сдерет с меня шкуру, если узнает о том, что ты приняла настолько красивую и легкую смерть.

Наркотик, дающий исполнение желаний, нескончаемые видения вечного счастья, смерть во сне. Нет, Алия, не так ты умрешь.

Она задумчиво посмотрела на него, будто прикидывала в уме. Кестель допил свое пиво и потянулся к ее кружке.

– Оставь, – приказала она и схватилась за кружку.

В ее глазах сверкнул отблеск пламени.

– Пусть. Но жаль, конечно, если ты окажешься самонадеянным глупцом. Хотя нет, не жаль. Ведь я попросту тогда не проснусь, ведь так?

Не сводя с него глаз, она поднесла кубок к губам. Когда Алия поставила его на стол, губы были мокры от пива. Кестель смотрел с удовольствием. Какая же она все-таки красивая.

– Еще пива! – крикнул он.

– Может, хватит? – робко попросила Алия и коснулась его бугристой от жил руки.

Но когда он попробовал обнять Алию, та гневно отпихнула руку.

Толстая женщина забрала пустой кувшин и поставила на стол полный. Кестель налил обе кружки до краев.

– Знаешь, людям кажется, что они хотят столько всякого разного. А здесь, в Багровой корчме, они узнают, чего взаправду хотят.

– Ну да. И очень им потом полезно это знание.

– Обычно большинство обманывает себя. Люди считают, что если раздобудут сундук с золотыми кольцами, то станут счастливы. Люди думают, что хотят богатства и власти, которое оно дает, приходят в корчму, пьют наркотик и рассчитывают во сне, в предсмертных мечтах увидеть себя князьями, повелителями городов. И, как ты думаешь, что получается?

– А откуда тебе знать? – осведомилась Алия.

– Мне один гусяр рассказал. Уж они-то знают.

Алия пожалала плечами. Да, гусяр мог знать, тут не поспоришь. Она приложила холодную кружку ко лбу.

– И что люди видят?

Кестель захохотал, потом долил себе пива. Хороша все-так, корчма. И корчмарь такой милый, и его подруга, толстая как хата. Яичница вкусная. А уж пиво... в жизни лучшего не пил. И, главное, в какой компании! Как здорово, что так все сложилось!

– Человек никогда до конца не знает, что же именно в нем сидит, – важно поведал Кестель. – Кое-что в нас – тайна для нас самих.

– Так что ж они видят?

– Ну, я ж говорил, – голос Кестеля задрожал, – людям кажется, например...

– Да, ты это уже говорил.

– Ну вот, что хочется богатства и власти. А в видениях, которые наркотик высвобождает из самых дальних углов души... ну, там то, чего люди на самом деле хотят, даже если того не знают, и получают взамен за жизнь, а жизнь у них отберут во сне, еще до рассвета...

Он помотал головой, и уже без тени веселья сказал:

– Горько это.

Алия молчала – ждала, когда же он, наконец, вытащит из себя свою нехитрую тайну. Кестель важно глянул на нее и сказал:

– Например, хочется им полизать ноги той служанки, которую видели каждый вечер в шинке. Служанка там разносила мед. А смелости схватить ее за задницу так и не хватило.

Алия кивнула и спросила:

– Кестель, а чего хочешь ты?

– А это не твое дело, – сказал он, схватил кувшин и, не затрудняя себя переливанием в кружки, приложился к нему.

Пил Кестель до тех пор, пока не увидел дно, а тогда рыгнул и отставил кувшин. Алия поморщилась и отвернулась. Ей захотелось спать.

Бряканье пустой посуды привлекло корчмаря и Альху. В отблесках огня руки и лица казались залитыми кровью.

– Пожалуйста наверх, – сказал мужчина с рунами на лице.

По узкой лестнице гости взошли наверх. Комната была чистой и хорошо обставленной. В соседней комнате стояла бадья с горячей водой, у кровати – ночные горшки.

– Кровать только одна, – заметила Алия.

– Зато какая широкая, – указал Кестель.

Корчмарь поставил на стол подсвечник с тремя горящими свечами. Их свет казался очень приятным. Толстая женщина хрипло пожелала спокойной ночи. Когда хозяева ушли, Кестель посмотрел на Алию и увидел слезы в ее глазах. Ему стало жаль ее.

– Широкая или нет – вовсе не важно, пока ты держишься подальше от меня и не гасишь на ночь свечи. Обещаешь? Правда ведь обещаешь?

Он удивился – ведь просит совсем как маленькая перепуганная девчонка. Ладно, можно и пообещать.

Он кивнул.

– Я хочу помыться, – сказала она.

– Я тоже.

– После меня.

Она сонно заморгала. Кестель развязал ей другую руку. Наркотик в пиве крепче любой веревки. Кестель указал Алии на ванную. Алия пошла туда, пошатываясь, и закрыла за собой дверь.

Он положил меч на стол, сел на кровать, прислушался. Вот Алия залезла в воду, заплескалась. Вот подняла руку, и с нее стекает вода. Встает, садится.

Как же Кестель хотел Алию! А ведь мог зайти, сделать с ней все что угодно, и никто бы не помешал. Но Кестель попросту сидел на кровати.

Шум и плеск утихли. Кестель встал, взял меч, подошел к двери, пихнул ее ногой и отступил на шаг, потом осторожно заглянул внутрь.

Алия сидела в бадье, склонив голову на край. С раскинутых рук на пол капала вода, собиралась в мелкие лужицы.

Кестель отложил меч, наклонился, осторожно вынул женщину из воды, перенес на кровать, шершавым белым полотенцем вытер волосы, лицо, грудь, живот и ноги. Затем Кестель понюхал полотенце, посмотрел на лицо спящей. Во сне оно казалось добрее. Алия будто глядела на звезды сквозь прикрытые веки. Не сдержавшись, Кестель поцеловал ее в губы, а затем аккуратно прикрыл легким шелковым одеялом.

Потом он поспешно вымылся в остывающей воде, обтерся и нагишом улегся рядом с Алией. Свечи он не погасил, как и обещал, а рядом с собой уложил меч.

Кестель лежал и смотрел в деревянный потолок, слушал ровное дыхание женщины. Иногда оно прерывалось – Алия тяжело вздыхала во сне. Больше ничего не нарушало тяжелой злобещей тишины. Кестель ощущал себя жутко, непомерно усталым. Он знал, что эту усталость ночь не прогонит. В полумраке перед глазами возникали образы – и лопались, словно мыльные пузыри. Он видел глаза другой женщины, ее нагое тело – а потом снова глядел на теряющийся в тени потолок. Кестелю показалось, что рядом кто-то шепчет. Он приподнял голову, но не увидел никого, кроме Алии.

Он уже давно не спал по ночам. На него не действовали зелья, настойки и воняющие мочой варева пещерных ведьм. Кестель понимал отчего, и знал, что так и будет, пока не завершится начатое. Ни одна магия, ни один наркотик не сумеют усыпить Кестеля дольше чем на минуту.

Алия глубоко вздохнула, повернулась к нему, протянула руку – тонкую, деликатную, никогда в жизни не державшую меч. Рядом с Кестелем лежала и улыбалась черноволосая Кладия.

Он вздрогнул. Это видение. Он просчитался, поддался наркотику и сну! Минуты – и сон разрастется, укрепитя, войдет в разум, принесет забытие – и смерть. Алия умрет тоже.

Кестель вскочил. Алия лежала, как и прежде. Кестель с облегчением выдохнул. Этой ночью вовсе не следовало ложиться. Так или иначе, а лучше не искушать судьбу.

Он оделся и сел за стол, вынул из ножен меч и положил рядом.

Пусть приходят.

Время тянулось, а они все не приходили. Осталась лишь одна свеча, и среди теней разум, не желавший погрузиться в сон, цепенел, проваливался в полный кошмаров и воспоминаний морок, где сплеталось доброе и отвратительно злое. Кестель иногда не мог их различить.

Он думал о Кладии: о том, что пережили вместе, и о том, что хотели – но не смогли. Затем он вспомнил других своих женщин. Но с ними пришли кошмары о реках крови и криках умирающих. Кестель старался отогнать их, но все равно приходили мертвые и глядели на него, а он пытался думать о женщинах и не мог.

Он хотел сосредоточиться на мыслях о Кладии, но ведь рядом лежала Алия, и запах ее тела был невыносимо прекрасным. Кестель хотел вернуться на кровать, обнять Алию – но это было бы против правил.

Тянулась очередная долгая ночь, оставалось только сидеть за столом и ждать. Кестель был уверен лишь в одном: если наркотик и подействовал на какое-то время, то уже давно перестал.

Кестель протянул руку над горящей свечой. Пламя обвилось вокруг запястья, затрещало. Кестель стиснул зубы. Боль пришла как удар, завоныло горелой кожей. Захотелось отдернуть руку – но Кестель неимоверным усилием воли сдержал порыв и, по-прежнему стискивая зубы, наблюдал за тем, как пламя увечит кожу. Кестель убрал руку лишь тогда, когда убедился, что может пересилить боль.

Запястье выглядело скверно. Еще несколько месяцев назад он поспешил бы обработать рану. Но за последние несколько месяцев многое изменилось. Кестель перестал обращать внимание на мелочи. От раны не останется и следа еще до рассвета. Кестель ощущал в себе силу. Он был измученным, одиноким – но очень сильным.

Близ двух ночи дверь приоткрылась, и в комнату проскользнула полоска света. Кестель поднял голову и посмотрел в лицо лысому мужчине. Тот был спокоен, равнодушен и сосредоточен – хотел исполнить привычную работу.

Кестель не двинулся с места. Его правая ладонь уже лежала рядом с рукоятью меча. Что бы ни сделали незваные гости, Кестель успеет взяться за оружие и развалить им головы.

Мужчина прижимал к груди мясницкий нож с деревянной рукоятью, Альха тащила за собой пару грязных кожаных мешков, глядела закаченными глазами – зрачков не видно, одни белки. Кестель знал, что это значит: ей отобрали волю чарами.

Магия. Везде она.

– Идите отсюда, – тихо попросил он.

Мужчина молча стоял и глядел. Его лицо ожило. По нему прополз червь. Еще один вылез изо рта и проворно втиснулся под веко. Кестель заставил себя не отвернуться. Почти хотел, чтобы тип с мясницким ножом шагнул в комнату, хотел выместить на убийце свое горе, отчаяние и муки.

Мужчина медленно опустил нож, попятился – а за ним и Альха. Они затопали вниз по лестнице, не пытаясь ступать осторожней. Все, как и предполагалось: здешние умели не биться, а всего лишь убивать.

В комнату пытались зайти перед рассветом. Дверь тихонько приоткрылась, а Кестель даже не поднял головы, лишь шевельнул пальцами руки, лежащей подле рукояти. Дверь закрылась. Больше никто не приходил.

С наступлением ночи Шероны отложили бесполезные в темноте таблицы и пошли. Вскоре они добрались до места, где алмазы показали сцену пленения Алии. Братья далеко обошли Багровую корчму. Она отпугивала все темные создания, будучи тварью намного темней и страшнее их.

Дальше на дороге братья встретили сотворенную раньше гулящую девку и воспользовались ее услугами. Девка была не против – заскучала в лесу.

Не зная, куда Кестель повел Алию, гроблины пошли к самое вероятное место. Под утро они добрались до Клоокблока. Разочарованные братья сняли комнату на постоялом дворе и, поскольку солнце уже всходило, обыскали таблицами лес. Но стены Багровой корчмы были непроницаемыми для магии гроблинов.

Девка за ночь постарела и сморщилась, и расточилась прежде, чем солнце разогнало утренний туман. Братья устали и почти потеряли надежду на то, что отыщут Алию. Все трое завалились спать.

Алия проснулась поздним утром и долго лежала с открытыми глазами, ошеломленная, не верящая сама себе. Кестель стоял у окна и смотрел на дерево, чьи ветви гнулись под тяжестью вороньих гнезд. Слышалось карканье.

Он оторвал взгляд от дерева, посмотрел на отражение Алии в оконном стекле.

– Дождь собирается, – сообщил он и взглянул на оригинал.

А, еще не пришла в себя.

– Это было красиво, – тихо выговорила она.

– Что снилось?

Она подняла руки и увидела, что они связаны, а сама она лежит в постели нагая. Алия выругалась, ее лицо исказилось гримасой злости. Алия сунула руку между ног, вытащила, понюхала – и вздохнула с облегчением, а затем натянула простыню до шеи.

– Я заснула в ванне?

Он пожал плечами. А она посмотрела на него с интересом и – надо же – с нескрываемым презрением.

– Что мне снилось, не твое дело. Почему мы еще живы?

– Мертвая ты мне не принесешь ни гроша, – снова повернувшись к окну, заметил Кестель.

– Не думай, что я ни о чем таком не подозревала. Я сразу поняла, что у тебя есть план.

Он молча смотрел в окно.

– Ну ладно, когда ты начал хлестать пиво, я немного испугалась. Так отчего нас не зарезали?

– Тут порядочные люди.

– Тут Багровая корчма!

– Ну, если переживешь Театр и обзаведешься внуками, будешь им рассказывать про то, что ночевала здесь, – предсказал Кестель.

– Я расскажу им про то, как убивала тебя, – нахмурившись, предсказала Алия.

– Собирайся, – устало приказал он.

Он желал Алию Лов, когда та спала. А проснувшись, она превратилась в обычную вульгарную бабу и уже надоела.

Она поднялась, завернувшись в простыню, уселась на горшок, потом босой ногой толкнула горшок под кровать.

– Развяжи меня. Мне надо одеться.

Кестель не хотел вести ее нагой и потому исполнил просьбу. В общем, при известной осторожности можно было не бояться Алии. Он умел сворачивать шеи просто голыми руками.

Когда она оделась, Кестель снова связал руки.

Они спустились вниз. Корчма пустовала. В дневном свете столы оказались наполовину сгнившими, с потолка свисала паутина, на полу лежали горы мусора и подыхающий пасюк. Кестель вынул из сумки пару истертых, грязных серебряных монет и положил на пыльную стойку.

– Мы должны были заплатить не такой валютой, – заметила Алия.

Когда вышли наружу, она указала руками и вполголоса опасливо сказала: «Колодец».

Кестель подошел к нему и нерешительно заглянул внутрь. Далеко внизу поблескивала поверхность воды, а под самой поверхностью виднелись отрубленные конечности и головы, изуродованные тела, распухшие, искривленные, словно древесные корни. Посиневшие лица расплылись, широко раскрытые глаза казались сплошь серыми.

Всё – мертвое, неподвижное, застывшее.

Кестель вдохнул душный влажный воздух.

Собиралась гроза.

Виана присела на берегу реки и посмотрела на свое отражение. С воды глядело стареющее лицо, на котором шрамов было ровно столько, сколько и морщин. Но не они делали лицо пустой тенью бывшего когда-то. Хуже всего выглядели глаза: мелкие, ввалившиеся, уродливые. Именно по ним было видно, сколь многое умерло в том, что когда-то было настоящей Вианой ДаХан.

Она ударила по воде, чтобы разбить отражение. С другого берега доносилось пение утопленниц. Для Вианы оно звучало лягушачьим кваканьем, но находились ведь и те, кто поддавался чарам этого напева.

Она встала.

Да, мир полон глупцами, желающими видеть красоту там, где лишь стыд и предательство. Но потом обязательно наступает прозрение, и все уже кажется лягушачьим кваканьем.

Виана пошла искать брод, закинув маску трески на спину. Рыбья чешуя на плаще давила на плечи, а Виане даже не было кому пожаловаться на то, как тяготит ее плащ. Хотя она бы все равно не пожаловалась. Слишком много разочарований и боли. Теперь настало время самой причинять боль.

Ее план был прост и безумен – прост для нее, безумен для остальных. Но к дьяволу остальных. Они ожидали ее в Альсапоз, в одном из мест, которые было приказано называть домом хунг – но «домом» эти места не звал никто. Виана все же собиралась туда, но лишь после того, как уладит дела в Клоокблоке. А до тех пор она все обдумает заново в очередной раз, пройдет по всем слабым местам своего плана. Если повезет, все удастся. Но это если повезет.

Виана специально выбрала путь через реку для того, чтобы не повстречаться с Кестелем. Встреча с ним могла быть очень опасной и все испортить. Пока дела шли неплохо – с того момента, когда Виана пришла к владыке Арголана и сняла маску, показала лицо. В Арголане к ней отнеслись без враждебности, хотя и называли безрассудной. Сказали, что если Виане и удастся исполнить обещанное, будет только хуже.

Ну и пусть.

Алия Лов. Это имя – как желчь на устах. Пока не прольется кровь этой гнусной девки, в жизни нет смысла.

Глава 3

Они шли уже два часа, а Кестель ни разу не ощутил магии гроблинов. Алия хлопот не доставляла, шла, накинув на голову капюшон плаща, молчаливая, спокойная, погруженная в мысли.

А Кестель не мог подавить тревогу. Гроблины умели устраивать неприятные сюрпризы. Их можно было ожидать где угодно: за ближайшим пригорком, за деревом, среди палой листвы. К тому же, цепенела и плохо слушалась левая рука. Кестель старался укрыть немочь от Алии.

– Что за гроблины? – спросил он.

– Ты о ком?

– О тех, кто вчера следил за нами.

– Это братья Шерон.

Кестель нахмурился. Племя гроблинов произошло от смешения горных великанов и кохеанских гномов. И даже среди этого недоброго народца род Шеронов славился твердолобостью и жестокостью.

А сам Кестель Самран Нетса не славился вообще ничем. Он таскался по городам, нанимался к местной знати махать мечом за деньги, подрабатывал ловчим, наперегонки с такими же охотниками выслеживал и хватал тех, кого приговаривал суд. Однако Кестель всегда избегал арестных ордеров из Арголана, хоть там их выдавали больше всего. Слишком уж много в Арголане было магии, а ее Кестель не терпел.

Хотя, пусть он и не терпел, и убегал от нее всю жизнь – по-настоящему ведь от нее не убежать. Она – часть природы, как огонь и ветер. А от них не скроешься. Рано или поздно в твою жизнь приходит серый человек, выглядящий древним немывтым старцем, смердящий, как древний немывтый старец, и страшно болтливый. И ты почему-то веришь болтуну и выпиваешь его яд. А старец берет в руку твою жизнь, и в руке его будто течет по жилам вместо крови мерзлая ртуть. Вот тогда и понимаешь раз и навсегда, что не убежал, и все изменилось. Изменилось и...

Кестель замер.

Кто-то смотрел на них. Кестель хорошо знал, отчего вдруг тела будто касаются теплый ветер. Шимскар на груди ощутил магию, нагрелся. Кестель грубо потянул Алию за собой в сторону ближайшего дерева, задрал ей руки и привязал к толстому суку, мешок бросил чуть поодаль.

– Попробуешь удрать – переломаю коленки, – предупредил он.

Она чуть не зашипела от ярости, но Кестель уже не смотрел на нее. С земли поднялась высокая человекоподобная тварь, с головой, дергающейся будто кожаный мяч под ногами игроков. Тварь шла неровно, колыхалась, словно ее тело не имело костей. В ладонях, выглядящих будто перчатки из человеческой кожи, тварь сжимала грязные кинжалы.

Кестель сплюнул, преградил дорогу паяцу и, преодолевая оцепенелость в руках, вытянул из ножен меч. Вот такого колдовского дерьма Кестель не терпел более всего.

Паяц повернулся к Алие. Из дыр, прорезанных в препарированной человеческой голове, глядели намалеванные на куске дерева глаза.

– Уходи, – угрюмо посоветовал Кестель. – Тебе ее не заполучить.

Алия дернулась и выругалась. Паяц обратил к Кестелю растянутое в жуткой ухмылке лицо. Наверняка человек, которому когда-то принадлежало это лицо, просил о смерти и обрадовался ей.

– Не хочу ее, – по-крысьи пропищал жуткий паяц. – Хочу тебя.

Бомол знал язык птиц. Ночные птицы пели о том, что по лесу идет женщина, выдающая себя за другую. Потом они пели о том, как женщина и мужчина, который ее схватил, зашли в дом, бывший, в сущности, колодцем. А на завтра ветер понес песню о том, что мужчина обманул колодец, вскоре пойдет дождь, а птицы совершенно счастливы, но голодны.

Бомол затаился и пошел за Нетсой, когда пара двинулась к городу. Бомол был заядлым коллекционером и знал о Кестеле такое, что бросало в дрожь. Птицы когда-то пели об этом.

– Хочу тебя, – повторил паяц.

– Чертов извращенец, – посетовал неприятно удивленный Кестель.

– Я резать тебя хочу, а не трахать, – злобно пропищал паяц.

Кинжалы были длинные, один совсем проржавел. Паяц с лязгом скрестил их и в тот же момент ударил. Кестель заслонился мечом, ударил сам – несильно, вниз, чтобы проверить, как работает оцепеневшая рука.

Противники замерли, рассматривая друг друга.

– Что тебе нужно? – спросил Кестель.

Перед глазами мелькнули кинжалы. Он отскочил, но лезвие все равно вспорол рубашку на груди. Надо помнить о том, что руки без суставов достают на удивление далеко. Паяц сгорбился, тряхнул головой и сделал выпад. Лязгнула сталь.

Дрались они молча. Лишенные бедер ноги тряслись, делали невозможные шаги. Кестель следил, не давал застигнуть себя врасплох. Он только оборонялся, глядел в нарисованные глаза твари, выжидал. Кестель уже понял, что паяц совсем не умеет биться, и недоумевал: зачем тварь затеяла эту драку? Кто этот мрачный чудака? Зачем дерется на глазах привязанной к дереву женщины?

А потом вдруг вспомнились слухи о коллекционере, обожателе свиней и убийце горожан, палаче уличных шлюх, любителе резать спящих.

Тогда Кестелю расхотелось только лишь обороняться. Глаза застлало белой мути, забылась и боль в руках.

Кестель атаковал быстро и просто. Паяц ничего не сумел сделать. Кинжал вылетел из руки, будто детская игрушка, а оставшийся не смог парировать.

Меч вошел в сердце – и провалился по рукоять, будто в пустоту. Кестель тут же выдернул его.

Паяц застыл, затем приподнял голову – и повалился навзничь. Но из разодранных тряпок, видных в прорехе камзола, не вылилось и капли крови.

Кестель посмотрел на ухмыляющуюся голову, свалившуюся с тряпичной головы, на руку, согнувшуюся в трех местах.

Он подумал о том, что паяцы умирают странно, и вернулся к Алие.

Та безо всякого интереса смотрела на валяющуюся тряпичную падаль. Когда Кестель принялся отвязывать ее, то близко придвинулся и ощутил тепло ее тела, а дыхание пощекотало ухо.

– Ты пожалеешь, – шепнула она.

– Ты о чем?

– Ты пожалеешь о том, что грозил мне. Мне твои угрозы про колени не очень понравились.

Кестель удостоверился в том, что надежно связал Алию, затем провел рукой у себя по груди – проверил, не ранен ли. И выругался.

Он вернулся туда, где лежал паяц, посмотрел наземь, не отрывая взгляда от земли, прошел туда и сюда.

– Потерял что-то? – спросила Алия.

– Оставайся на месте. Не пробуй ничего странного, – всматриваясь в землю, ответил он.

– Ты носил на шее что-то ценное?

Он глянул на Алию, а та сощурилась, присматриваясь.

– Ты что же ты потерял?

Он вдруг заметил, наклонился, подхватил небольшой кулон на тонком ремешке и поспешно спрятал в карман, а потом взялся за мешок.

– Ну, пошли, – приказал Кестель.

Она пошла и не оборачивалась, молчаливая и задумчивая.

Когда они скрылись за деревьями, лес замер, и только птицы пели про скорую осень. Недавний бой никого особо не интересовал.

Паяц вспомнил о том, что у него нет сердца, и медленно поднялся с земли.

Близ полудня путники вошли в Клоокблок, исключительно уродливое местечко с кривыми, плотно посаженными каменными домами, с улочками узкими и неровными, будто зимние тропы в лесу. Алия уже бывала тут. Многие знали ее. Она шла молча, выглядела побежденной и покорной в глазах горожан, подглядывавших из несуразных кривых окон. Солнце блестело на металле парпетов, разлитых помоях и потных лицах.

Кестеля толкнул стремительно бегущий мужчина в фартуке портного. Бегущая девица с корзиной яблок споткнулась, яблоки рассыпались, но девица и не думала их поднимать – юркнула в ближайшую калитку.

Кестель осмотрелся. Толпа расточалась, люди убегали во все окрестные заулки. Кое-кто с ужасом глядел в небо.

Кестель стиснул Алие руку.

– Осторожнее! – буркнула та. – Останутся синяки.

Он потянул ее в сторону в то самое мгновение, когда из боковой улицы неспешно выехала всадница, вся в алом и серебряном, с лицом, закрытым капюшоном плаща.

Кестель отвернулся. Он знал, чем грозит задержать взгляд на этой женщине дольше чем на мгновение, достаточное для распознавания в незнакомке маддоны. Но Алия пялилась без стеснения и не думала отворачиваться.

– С ума сошла? – прошипел он, притянул ее к себе, силой повернул голову.

– Впечатляет, правда?

– Не провоцируй ее. Не надо выпендриваться передо мной.

– Прости, перед кем?

– И их не провоцируй!

Будто в ответ на его слова, разлилось мелодичное пение птиц амвари. Немногие птицы пели так красиво – и были настолько же опасными. Люди называли их небесными пираньями.

Алия перестала вырываться, уткнулась лицом в ладонь Кестеля и закрыла глаза, словно от удовольствия.

Маддона неспешно проехала рядом и скрылась из виду, а с тем утихло пение птиц. Люди выходили из ворот и калиток, улица ожила. Но никто не вспоминал о женщине, от которой только что прятались.

Алия Лов интересовала их гораздо больше, хотя на нее тоже не особо пялились. Маддоны частенько заглядывали в местечко, люди научились жить с ними. Немногие пожелали бы заговорить о маддонах. Алия, однако, пожелала.

– Разве тебя не интересует, что за лица под капюшонами маддон? – спросила она, когда Кестель наконец отпустил ее.

– Нет. Совсем.

– Может, их лица прекрасны, как у ангелов, и они ревниво берегут свою красоту, а может, их лица страшней и уродливей, чем у сельских ведьм, и это великая тайна?

– Пока у них эти сумасшедшие птицы и пока маддоны не мешаются в мою жизнь – мне целиком наплевать.

– А откуда ты знаешь, что они не мешаются в твою жизнь? – спросила Алия. – А вот птицы сумасшедшие, это да.

Кестель выдывал глупцов, захотевших раскрыть тайну маддон. Глупцам казалось, что можно выследить, откуда маддоны являются и куда направляются, или хотя бы заглянуть под капюшон.

Птицы замечали и переставали петь, а затем выедали несчастному глаза и лицо, отравляли тело. Глупцы умирали в страшных мучениях. Страдальцев приканчивала городская стража, а иногда и сами горожане, в особенности по ночам, когда вой умирающих пугал детей.

А сами птицы никогда и никого не убивали. Они были орудием кары, ужасом с небес. Пусть философы твердят что угодно, но безоглядная жестокость – всегда эффективное средство подчинять и править.

– А, так тебя просто не интересуют маддоны. Ты боишься смотреть на них, не знаешь, кто они и зачем их стерегут птицы, и не интересуешься. Надо же.

– Может, они вовсе и не красивые, и не уродливые, – сказал Кестель. – Может, они просто никакие, и в том вся их тайна.

– Может, и никакие, – согласилась Алия.

Сказала она это будто между прочим и, если бы Кестель не глядел на нее, то ничего бы и не заметил. Алия смотрела туда, где скрылась маддона, глазами, полными тоски и боли.

Словно Алия знала, что маддоны вовсе не никакие.

Глава 4

Кестель снял комнату в первом же попавшемся постоялом дворе, а потом повел Алию в шинок – обычный, даже приятный, хотя и не такой чистый, как Багровая корчма по ночам, с рядами испятнанных неприглядных столов и таких же скамеек.

В эту пору дня клиентов было немного: четверо рыцарей в стеганках, пара купцов, женщины, причем одна уже на сносях. В углу оживленно спорили несколько мещан и высокий тощий мужчина, одетый по обыкновению мелких магов так, чтобы придать себе веса в глазах зевак. Он чванился будто павлин и живо размахивал руками. Мещане то и дело хохотали.

У стены сидела в одиночестве странная особа в грубом панцире из рыбьей чешуи и маске трески, обычно скрывающей лица безумцев. На столе перед особой стоял кувшин с медом и кружка. Каждый раз, желая отхлебнуть, женщина аккуратно приподнимала маску.

Алия жадно поела баранью потравку и запивала пивом. У Кестеля не было аппетита.

– Боишься? – спросил Кестель.

– Чего?

– Арены.

Алия хмыкнула.

– Кто-то уж очень хочет доставить тебя туда. Столько труда и денег... как думаешь, зачем?

Алия молча пожирала баранину. Маг вконец опьянел и метнул в сторону купцов слабое заклятие, поднявшее в воздух кружки с пивом. Купцы похватали выпивку и добродушно погрозили магу. Мещане заливались хохотом.

Маг посмотрел на рыцарей, но напроказить решился не сразу. Приятели дружно подначивали его, и маг все же начал что-то бормотать под нос.

У одного из рыцарей выбритые виски были в желто-синих полосах – должно быть, парень из княжских воинов. Только они так украшали головы. Парень вытянул над столом костлявые руки. На его открытых ладонях лежал длинный нож.

– Он покрыт шкурой белых змей, – указывая на острие, сказал парень. – Оружие горцев.

– Проклятое оружие, – оторвав взгляд от стола, буркнул другой рыцарь. – Лучше держаться от него подальше.

Его надбровная дуга была жутко изувечена.

– Он стбит бешеных денег, а ты говоришь глупости, – возразил парень.

– Может, и стоит, но точно проклятый. Я слыхал, только поцарапай им кожу, и закипает кровь. Хозяева этого кинжала рано умирают, а сам он пропадает. Убери его, а то накличешь на нас беду.

– А если не заберу?

– А ты не знаешь?

– Не знаю. Я не слушаю дурацких побасенок, – отрезал парень.

– И не слушаешь про демона, который поселился среди горцев, убивал их одного за другим, забирал оружие и драгоценные камни? Не слушаешь про безголовую тварь, пришедшую после демона и вырезавшую целый род?

Кестель разозлился. Могли бы они болтать и потише! Настроение у него совершенно испортилось. Маг все бормотал под нос.

– Тварь, надо же, – изрек парень. – Уж точно дурацкая побасенка.

– Она вырезала весь род Гхнор. Не уцелел никто. А головы у нее точно не было.

– У тебя самого, курва, головы точно нет.

Нож вдруг поднялся в воздух. Все четверо рыцарей отпрянули от стола.

– Я ж говорил, – шепнул рассказывавший про тварь.

Мещане заржали. Рыцари заметили шепчущего мага и тоже рассмеялись – но не все.

Кинжал медленно опустился в руки хозяина. Развеселившийся парень пихнул локтем того, с кем препирался. Тот мрачно глянул на шутника, но маг встал, поклонился и попросил прощения за выходку. Рыцарь натужно улыбнулся ему.

Из кухни вышел статный мужчина с характерным плоским лицом. Старый мужчина – ему могло быть и под двести лет. Шрамы на руках и скулах, видная сквозь расстегнутый ворот часть татуировки не оставляли сомнений: мужчина когда-то был воином хунг. А теперь он опустился на колени и, очевидно мучаясь, стал медленно протирать пол мокрой тряпкой. По его лицу струился пот.

– Зачем ты вступила в Орден Ама? – спросил Кестель.

– А меня никто и не спрашивал о согласии. Ты не знаешь, как это делается? Спроси еще, знаю ли я, кем была моя мать.

– А разве Орден не гонялся за тобой, когда ты удрала?

Алия развела руками.

– На твоём месте я бы побаивался того, что именно Орден меня и нанял, – заметил Кестель.

– Чтобы отвести на Арену? Что за глупость. Сестры не делают таких дел руками ловчих.

Кестель искоса глянул на мага. Похоже, тот выбрал Кестеля мишенью новой шутки – бормотал себе под нос, целил пальцем.

– Держи свою посуду, – буркнула Алия.

Но ничего так и не произошло. Кестель сидел неподвижно, маг менялся в лице, тревожился, бормотал все настойчивей, его товарищи умолкли – ожидали. Кестель уставился прямо на мага. Тот смешался и перестал бормотать.

– Неплохо, – нисколько не удивившись, отметила Алия. – На тебя вообще магия не действует – или только дрянные мелкие заклятья?

Разодетый маг был разочарован. Похоже, шутки с заклинаниями перестали забавлять его. Он взялся пить и время от времени бросал угрюмые взгляды на Кестеля.

Рядом тер пол старый хунг. Алия посмотрела на него с презрением и сплюнула. Он поднял голову, равнодушно посмотрел на Алию, медленно стер плевок с пола и продвинулся дальше, в сторону безумца в рыбьей чешуе.

– Ты что делаешь? – осведомился Кестель.

– Брезгаю я этими тварями.

– Это древний народ. Другая раса.

Алия хихикнула, брызнув слюной и подливкой.

– Я когда-то с чем-то таким трахалась, – громко сообщила она, и несколько лиц повернулись в ее сторону.

Хунг тоже посмотрел, и теперь в его лице уже была ненависть.

– Что, удивила я тебя? А почему бы мне и нет? Ха, вот только он не пережил нашего, э-э... романа.

Кестель взял чарку с вином, качнул в пальцах, посмотрел, как багровая жидкость плещет о стенки.

– Ну да, куда тебе понять. Ты же никогда не был в Ама, не знаешь, как оно там, и не представляешь, как поступают власть имущие женщины с другими женщинами – и что молодым девчатам преподают перед тем, как выучить их драться.

Алия нахмурилась.

– Рыцарский орден – это мрачное унылое место. Я мечтала удрать каждый день, но решилась, только когда мне исполнилось двадцать пять и когда мои начальницы решили, что я уже принадлежу им навеки. Мужчины, которых я встречала, хотели от меня того же, что и магистрессы Ордена – моей задницы. Потом я повстречала того плоскомордого. Он был из сбежав-

ших в лес после поражения. Плоскомордый принял меня под свой кров, и тогда я впервые почувствовала себя в безопасности, и даже, странно сказать, была немножко счастлива. Он был спокойный, заботливый, добрый, ничего не хотел от меня и многому научил, а его жена стала для меня как мать. Она была уже староватая, но, как для плоскомордой, довольно симпатичная.

Алия посмотрела Кестелю в глаза.

– Того плоскомордого я увела. Ох, помню ту ночь. Было холодно и сыро, я чувствовала себя совсем одинокой. Так оно всегда и начинается. Человек ощущает себя одиноким и хочет избавиться от одиночества. Я трахалась с ним полгода, прежде чем узнала жена. Шесть месяцев... для меня – долго, для них, долговечных – один момент. Может, и хорошо, что она узнала. Мне уже наскучило.

Алия доела, уселась поудобнее, обвела взглядом зал. Она не хотела продолжать рассказ.

– И что? – спросил Кестель.

– С плоскомордым?

Он кивнул.

– Да ничего. Жена ошалела от ярости, а я донесла на мужа карателям. Это было еще до амнистии.

– На мужа?

– Она любила его. А я проучила ее.

– А ты не могла уйти просто так? – осведомился Кестель.

– Знаешь, в Ордене есть правило: чтобы отказаться от жестокости, нужен очень хороший повод, – задумчиво произнесла Алия. – Хоть я и удрала, но от того, что мне вбили в мозги, не избавилась. Оно сильно цепляется, когда вбивают многие годы.

– Но о тебе же заботились, берегли. Это разве не повод?

Она тяжело и странно посмотрела на него, облизнула губы.

– Вообще, по-настоящему, таких поводов и нет. Мало победить – нужно, чтобы проигравшие мучились, – сказала Алия, провела ладонью по лицу, коснулась мелких шрамов на правой скуле и добавила: – Жалость – всегда преступление.

– А при чем тут жалость? – спросил Кестель.

Он опорожнил чарку и поморщился – может, от вина, а может, от слов Алии, зацепившей то, что сам Кестель хотел бы не вспоминать. Старый хунг коснулся плаща из рыбьей чешуи, закрыл глаза, а потом открыл их и взялся мыть пол с неожиданной живостью, даже ожесточением.

– А что с ней? – спросил Кестель.

– Она удрала. Ей сильно повезло, потому что мужа пытали и в конце концов поломали на колесе, – сообщила Алия и вызывающе глянула на Кестеля. – Но ведь ты все это знаешь.

– И откуда я мог бы знать про это?

– Я понимаю, что ты хочешь узнать, как я сама гляжу на это, – криво усмехнувшись, сказала Алия и взялась за вино.

Что ж, она не ошиблась. Кестель и вправду знал все, а еще и то, что хунг, про которого рассказывала Алия, не был обычным воином.

Она до сих пор презирала и ненавидела его, и потому даже не назвала его имя.

Странное совпадение, нелепое стечение обстоятельств – или очередной знак судьбы? Но нельзя так. Недопустимо все подряд принимать за знаки. Это слабость души – видеть повсюду указания свыше.

Алия сидела так близко и со смехом рассказывала о своем предательстве.

Из-под маски лились слезы. Мертвая треска не обрадует чужой взгляд, но укроет от него страдание. Как легко было бы сейчас встать и заговорить, крикнуть на Херпена, приказать,

чтобы бросил песье услужение. Херпен бы послушался. Такие, как он, остаются верными до конца. Может, им и удалось бы – если бы успели. Может.

Виана ДаХан осталась сидеть. Она медленно взяла кружку и, приподняв маску, выпила до дна.

Нельзя спешить. Та женщина-маг наверняка поблизости, незаметная, не узнаваемая никем. Может, она за окном, за стеной, которую пронизывает взором, и поднимет тревогу или ударит заклятьем, как только распознает Виану. И даже если не распознает, то отреагирует, коли Виана подойдет слишком близко к Алие.

А это погубит все.

Нужно придерживаться плана. Пусть месть свершится в Арголане. Там Виана будет сражаться и там убьет, отплатит кровью за кровь.

Но так легко, так чертовски легко было бы встать и выпустить на волю сталь.

Алия что-то сказала Кестелю и рассмеялась. Ох, как она была уверена в себе! Словно пришла развлекаться, и ничего вовсе ей не грозило. Виану грызли сомнения.

Алия – отнюдь не дура. Если уж она так самоуверенна, значит, тому есть причина. Виана посмотрела на измученное лицо Кестеля и вдруг с ужасом поняла: несмотря на все свои таланты, он слишком слаб для того, чтобы привести Алию в Арголан. Магиня никогда не позволит этого. Да как вообще можно было надеяться на то, что хоть какому ловчему удастся схватить и доставить Алию?

Все погибло. Шансов не было и с самого начала. Ее, Виану ДаХан, ослепила ненависть. Именно о том и говорили старцы совета: ненависть ослепляет, отбирает здравый смысл. И теперь все погибло. Все бессмысленно. Все из-за Вианы.

Ей захотелось дико закричать, но желание быстро прошло. Она стиснула зубы, стараясь унять дрожь в руках. Нет, не все потеряно. Кестель ведет ее со вчерашнего вечера. Он сторожил ее всю ночь, а магиня так и не вмешалась. Наверняка она пробовала уже много раз, но Алия по-прежнему в руках Кестеля. Нет, все же не стоит отчаиваться.

Старейшины пусть по-прежнему гнут спины и молчат. Ее месть по крайней мере реальной, чем все их пустые мечты о войне.

Виана тут же укорила себя за несправедливость. Старейшины делают, что могут. Но Алия рассмеялась снова, и Виану перестала грызть совесть.

В душу толкнула отупляющая волна ненависти, жаром разлилась по телу, обратила сомнения в пыль. Все, кроме мести, перестало быть важным.

Шероны проспали день напролет. Они бы проспали еще и ночь, но старший встревожился и проснулся с приходом сумерек. Ему показалось, что над ним стоит кто-то темный – наверное, женщина. Хавараш даже ощутил запах странной прищелицы.

Но, конечно же, никто над ним не стоял. Когда Хавараш пробудился, запаха не было и в помине. Старший потряс братьев. Те вскочили и кинулись к дощечкам.

– Ничего, – объявил старший, когда опять пересмотрели целый лес.

– Может, оно и к лучшему? – рискнул предположить Урахат.

Старший проткнул его взглядом.

– Она такая нежная, что бабочки умирают от зависти, когда она улыбается, – мечтательно произнес Гамрон.

– Таких красивых, наверное, и медведи не едят, – задумчиво заключил средний брат.

Все трое понурились – огромные, мрачные.

– Нужно потрахаться, – наконец решил Хавараш.

Он встал и вышел в коридор, но тут же беззвучно скользнул назад.

В соседнюю комнату входили Алия со связанными руками и Кестель Нетса.

– Тебе удобно? – спросил он и передвинул ноги Алие.

В ответ послышался приглушенный вздох. Кестель осторожно приподнял ей подбородок.
– Ты симпатично выглядишь.

Алия сидела, уткнув колени в подбородок, на толстом ковре, который для удобства подсунил ей Кестель. Он привязал ей запястья к толстому стальному кольцу, так крепко вмурованному в стену, что оно и не вздрагивало, когда за него тянули изо всех сил. Кестель не имел понятия о том, зачем в гостиничной комнате такое кольцо, но оно оказалось очень кстати. Кестель еще раз проверил узлы на лодыжках и запястьях, затем плотней вдвинул кляп.

– Ты уж прости. Я скоро вернусь, – сказал Кестель.

Он вышел и тщательно запер за собой двери.

Моросило. Он окликнул перебежавшего двор парня с перепачканным мукой лицом, нечистыми руками и буханкой хлеба в них. Парень задержался, опасливо прижал буханку к груди.

– Люди из Театра уже приехали в город? – спросил Кестель.

– Уже неделю как.

– А где их найти?

– Они лагерем стоят за городом, фургоны поставили. Идите вон туда, – он указал на узкую улочку. – Сверните за домом палача, там, где виселица. Но, господин, они утром уже уезжают.

Кестель кивнул и пошел по улочке. Смеркалось. В темноте городишко выглядел еще унылей, чем при свете. В отблесках гаснущих огней дома, казалось, шатались и вздрагивали. Жуткое, большое место.

Улочки вились, сбивали с толку. Неосторожный чужак мог бы с легкостью потеряться, ходить кругами. Кестель долго искал дом палача. Наконец обнаружился обоз ловчих в три лишним десятка фургонов: ярко раскрашенных, с решетками на окнах, со стражей подле них. Большой обоз, и не окинешь взглядом. Фургоны стояли кругом, как крепостная стена, и вход был только один.

Одетый в кожу стражник загородил проход алебардой.

– Ты кто?

Кестель показал ордер. Стражник долго присматривался к куску пергамента.

– Что не так? – наконец спросил потерявший терпение Кестель.

– Господин Туут! – заорал стражник в темноту.

Никто не отреагировал. Стражник стоял и пялился на ордер, и, похоже, второй раз кричать не собирался. Стражник почти и не двигался, будто мертвец, только слегка вздрагивали веки. Кестель плотней запахнулся в плащ. Вода просачивалась под плащ, неприятно холодила кожу. Кестель хотел толкнуть стражника, чтобы тот хоть как-то шевельнулся, но предпочел терпеливо ждать.

Спустя несколько минут из темноты вынырнул низкорослый, нескладно сложенный мужчина. Он на ходу застегивал штаны. Похоже, его оторвали от занятия, не требовавшего присутствия штанов.

– Что такое? – буркнул он. – А, гость. Чего он хочет?

– У него ордер, – ответил стражник.

– И товар, – добавил Кестель.

– Товара нам через крышу, – сказал Туут. – Мы насобирали полный комплект голытьбы. Я тебя не знаю, и не помню, чтобы я давал тебе ордер.

– Может, он украл? – предположил стражник и нервно пошевелил алебардой.

Туут собирал пойманных и всем скопом доставлял в Арголан. Туут слыл заядлым бабником и туповатым грубым мужланом. Он выпускал и свои ордера, копирующие ордера Арголана, но давал их только знакомым ловчим. Выдавать ордера Туут не имел права, но на это все, а прежде всего лорд Арголана, закрывали глаза.

– Болван, у меня ордер не от тебя, а от владыки, – буркнул Кестель.

Туут даже заморгал от неожиданности, но не обиделся. Он вообще не походил на человека, способного обижаться.

– Покажи-ка, – попросил он, взял ордер, осмотрел со всех сторон и, наконец, кивнул. – Ну да, вправду ордер из Арголана.

– По мне, они все одинаковые, – буркнул стражник.

– Пусть войдет, – приказал Туут, и стражник послушно отошел.

В кругу фургонов ловчие сидели группками у костров. Узники тянули руки сквозь решетки окон. Узники были разномастным народцем: и вояки, и горожане, и странствующие купцы, и шлюхи, и воры, и адвокаты, и убийцы, и местные скотоводы, и лесные люди – и нелюди. В угол одной из открытых повозок втиснулся старый тролль. Он дрожал и трясся.

– А он не слишком старый для Арены? – кивнув в его сторону, осведомился Кестель.

– А мне какая разница? – сказал Туут. – Был ордер, я словил.

Они миновали фургон с женщинами: пара постарше, остальные молоденькие. Они отворачивались. Только одна не отвела взгляда, посмотрела Кестелю в глаза.

– Это горянка, – пояснил Туут. – Предательница, ну как...

Он замялся в поисках подходящего слова.

– Как змея, – подсказал Кестель.

– Ну да. Я тоже хотел сравнить со змеей, но как-то не повернулся язык. Она же гхнор. Кестель вздрогнул. Он только теперь обратил внимание на расцветку одежды.

– Гхнор, – машинально повторил он.

Туут остановился – видать, захотелось поговорить.

– Надо думать, если ломаешь подписанный кровью договор, беды недолго ждать.

– Недолго, – согласился Кестель.

– И как тут скажешь, что она подлая, как змея, если ее народ и предал змей? Это гхнор забрали самоцветы из змеиных гнезд, ободрали со змей шкуры и обтянули ими острия кинжалов. Никто и никогда не предал так гнусно, как гхнор, и никто не заплатил так страшно за предательство.

– Я слышал об этом, – нехотя признался Кестель.

– Хотя, может, сама она и не такая уже предательская. Когда это все случилось, она была еще совсем ребенком. Но все-таки она гхнор. Ее хотят и в Арголане, и в ОвнТховн. Я везу ее в Арголан, но если она и переживет Арену, то девушку нужно будет выдать в ОвнТховн.

– А что она натворила?

– В общем, ничего существенного. Так, кражи, грабеж. Наверное, помирала с голоду. Но ведь как посмеялась судьба! Еще недавно народ гхнор был дьявольски богатым. А всех перебили. Наверное...

– Но она же выжила, – перебил его Кестель. – Может, пойдем?

Во взгляде горянки виделось только отчаяние. Кестель подумал о том, что ей довелось пережить, а потом – об ОвнТховн и его владыке, которого Кестель видел один раз в жизни и больше видеть не хотел. Владыку Арголана Кестель никогда не видел, хотя слышал о том, что он исключительно толстый. Владыка Арголана заправлял Ареной, и у него были принципы. У хозяина ОвнТховн принципов не было, и он заправлял Спальнями.

Ни то ни другое не сулило ничего хорошего девушке с гор.

Туут провел Кестеля к богато убранному фургону с толстыми грязными коврами на полу. Там даже стояла резная мебель: стол, стулья, небольшой бар, забитый напитками.

– Это с моих скромных заработков, – пояснил Туут.

Он налил гостю коньяку, угостил сигарой.

– А кто товар?

– Ты не прочел ордер? – удивился Кестель. – Ты ж рассматривал его так, будто он из золота.

– Я рассматривал, но не читал. Ну и что с того? Так кто?

– Исключительная особа.

– Мне что, гадать? – осведомился Туут.

– Алия Лов.

Туут окаменел, не донеся сигару до рта.

– ...Ха, большое дело, – наконец выдохнул он.

– Так возьмешься?

– Посмотрю.

– Я отдам ее со скидкой от цены, какую дают в Арголане, – посулил Кестель. – Хочу семь десятых.

– Почему бы и нет. А где товар?

– Она в гостинице.

– И кто ее сторожит? – спросил Туут.

– Никто. Но сторожить нет надобности. Я знаю толк в узлах.

– Неосторожно. Тебе следовало бы привести ее сюда.

– Я не был уверен в том, что ты захочешь ее выкупить, – заметил Кестель.

– Но за ее голову такая цена...

– Я же сказал: семьдесят процентов. Тебе достанется тридцать. Торговаться я не буду.

– Но до Арголана долгий путь, – задумчиво произнес Туут.

– Мне кто-то об этом уже говорил.

– И опасный

– Нет, если ехать караваном Театра, – указал Кестель.

– Да я не про себя, а про тебя. Что стало бы, если б я не захотел выкупить эту Алию?

Кестель промолчал.

– Эх, не умею я торговаться. Как ребенка меня обводят. Семьдесят – значит, семьдесят.

– Господин Туут, я рад.

– Ох, и я, наверное, тоже. Ну, води сюда свою кошку, – сказал Туут и задумчиво поскреб в паху.

Кестель встал, подошел к двери, но подле нее задержался и сказал:

– Знаешь, я бы не советовал.

– Чего нет? Ты что, про ту историю с хлыщом, который хотел не по-доброму, и всякое такое... ну...

Туут выставил руки вперед и картинно стиснул ладони.

Кестель пожал плечами.

– Ну, я-то не верю, – сказал Туут. – Байки. Может, она сама это и выдумала, а дурни повторяют. Один болван мне когда-то клялся, что, мол, у нее там внизу зубы. Дескать, рассказали ему в борделе. Ну, я б тебе посоветовал побыстрее возвращаться да проверить, на самом ли деле твои узлы такие надежные.

Кестель вышел. Опять все прошло на диво легко. В последнее время все получалось слишком уж легко.

После ухода гостя Туут задумался – ровно настолько, насколько хватило сигары. Потом он высунул голову наружу и заорал:

– Эй, Круг!

Потом он стянул сапоги, уселся, положил ноги на стол и посмотрел на фургон своей фаворитки, Катии. Туут медленно повторил в памяти все то, что проделывал с ней вчера. По

своей шкале Туут дал ей семь баллов из десяти. А еще недавно Катия добиралась до девятки, а иногда и до девятки с половиной. Если так пойдет и дальше, скоро на нее и не встанет.

Появился высокий мужчина с грубым резким лицом, носивший мундир, содранный по весне с полковника, дезертировавшего из княжеского войска. Мужчина отер рукавом лицо. Ржавевшие пряжки оставили на лице бурые полосы.

– Круг, у нас будет Алия Лов, та самая, что слиняла из Ордена, – вполголоса сообщил Туут.

– Однако.

– К нам заходил несуразный человек, который оставил Алию одну в гостинице. Только связал, и все.

– Одну?

– Да, сглупил он. Она-то его прикончит, но от нас не уйдет. Ты ей не позволишь.

Круг сплюнул на пол фургона, Туут в досаде закатил глаза.

– Возьму десятерых, – буркнул Круг.

Глава 5

Он ожидал ее в переулке.

На рыцаре была та самая стеганка, в которой он пил, только прикрытая плащом. Продержавшаяся весь день на голове сине-желтая раскраска уже начала расплываться.

– Отдай, – тихо попросила она.

Издали доносился собачий лай. Слышались голоса городских стражников – Виана миновала их по пути к месту встречи. Уже давно стемнело. На улице зажглись фонари, но переулочный свет не достигал.

– Это ты? – недоверчиво спросил он, и так же тихо, как она.

Она приподняла маску трески, чтобы он увидел плоское лицо. Он раздраженно буркнул что-то неразборчивое, сплюнул под ноги.

– Ладно. Серебро с тобой?

Она кивнула.

– Покажи.

– Ты покажи.

Он откинул полу плаща. За поясом торчал кинжал с белой рукоятью. Виана кинула рыцарю кошель. Рыцарь поймал, взвесил на ладони.

– Мало.

– На столько договаривались, – напомнила Виана.

– Все-таки мало. Он стоит гораздо больше.

– Мы же согласились.

– Жизнь проходит, цены растут. Еще один такой кошель, – сообщил рыцарь.

Он подбросил кошель, поймал – развлекался. Но не спускал глаз с Вианы.

– У меня больше нет.

– Значит, и дела нет. А это я заберу за беспокойство.

Он сунул кошель за пояс и осторожно похлопал по нему. Голоса стражников слышались все отчетливее. Наверное, они развернулись и пошли в эту сторону.

– Ты из тех, не переписанных, – громко сказал рыцарь. – Беззаконных.

Виана нервно глянула в сторону улицы.

Виана когда-то встретила рыцаря в пивной, похожей на ту, в которой он сегодня хвастался кинжалом. Виана выждала, пока рыцарь остался в одиночестве, и уговорила продать. Но цена была высокой, и потребовалось много времени на сбор денег.

– Ты с самого начала знал, что я из них.

– Потому я с тобой и не собирался иметь дел. Еще чего не хватало! Радуйся еще, что не напустил на тебя солдат.

Старейшины предупреждали о том, что Виана ослепла от ненависти, потеряла осторожность. И ведь были правы. Как же теперь стыдно и жалко! Рыцарь шагнул к улице. Наверное, он посчитал, что стражники уже совсем близко, а Виана испугалась и позволит уйти без помех. А может, он решил выдать ее? Ведь отличный выход – отдать обманутую дуру страже и обезопасить себя от мести.

Плащ из рыбьей чешуи с шелестом упал на брусчатку. Шарф нансее задрожал натянутой струной и молниеносно развернулся в воздухе, тихо свистнул. Мужчина не успел и поднять руки. Стальная лента вошла в его лоб и вышла через затылок. Рыцарь еще секунду держался на ногах, затем пошатнулся. Верхняя раскрашенная часть черепа с тихим чавканьем соскользнула с головы.

Виана успела схватить тело, поддержать, чтобы не наделать шума.

Она свернула ленту, опоясалась ею, подняла и надела плащ, затем склонилась над телом и забрала свой и рыцарский кошель, а заодно и кинжал. Виана выдвинула его на пару пальцев из ножен. Да, рыцарь не солгал. Одна царапина от этого лезвия – и кровь закипит.

Стражники миновали вход на улочку. Скрытая тенью Виана подождала, пока они удалятся.

Кестель вернулся на постоянный двор. Он шел по пустому коридору и думал о том, что слишком уж мрачно и тихо – как при смерти. Кестель остановился у настенной лампы, стукнул ее пальцем. Огонек в ней задрожал.

Хм, а отчего вдруг захотелось это сделать? Кестель и сам не понимал. Может, попросту, чтобы оттянуть возвращение в комнату, к Алие? Но, вроде, нет никакого повода не спешить к ней. Но ведь захотелось же.

Он открыл дверь и ступил внутрь.

Алия лежала там, где он оставил ее. Он огнивом выбил огонь, зажег пять свечей.

– Ну что, будем потихоньку прощаться?

Кестель ощутил тепло на груди.

Шимскар.

Ведь Кестель ощущал его уже от двери, но не обратил внимания. А обратил за мгновение до того, как увидел Шеронов.

Их тени были огромней их самих. Они выгибались на стенах, будто горные великаны из нянькиных сказок. Кестель потянулся за мечом, но верзилы-братья мгновенно оказались рядом. От первого же удара огромного кулака Кестель полетел наземь, перевернув подсвечник. Что-то загорелось, но братья, не обращая внимания, ожесточенно пинали Кестеля. Тот свернулся в клубок. Братья подняли его и принялись молотить кулаками.

Перед тем как потерять сознание, Кестель увидел, как поднимается Алия и стряхивает обрезки веревок.

– Болваны, потушите огонь, – посоветовала она.

Кестель открыл глаза, когда в лицо плеснули водой из кувшина. Он висел, поднятый огромными лапищами двоих Шеронов.

– Кестель, а ты ведь прав, – задумчиво сообщила Алия. – Прощаться мы будем не спеша.

Она посмотрела на него из-под полуприкрытых век и достала из его дорожного мешка свои кривые мечи. Она посмотрела на них, словно увидела впервые в жизни, и они ей понравились. Алия кинула один на кровать, другой вынула из черных ножен, глянула на острие. Лицо Алии сделалось равнодушным, бесстрастным. В нем не осталось ничего теплого и живого.

Кестель подумал, что теперь видит настоящую Алию Лов, о которой ходят легенды. А он оказался в полной власти беглянки из Ама. Завзятой убийцы.

Она отошла, и к Кестелю приблизился третий гроблин, старый бородач. Он наклонился, заглянул Кестелю в глаза, словно хотел прочесть мысли, почесал в голове. В руке у бородача был стальной прут.

– Ну и зачем это? – спросил гроблин.

– Я ему обещала.

Хавараш поежился, взвесил прут в ладони, замахнулся и с медвежьей силой ударил в левое колено Кестеля. Хрустнули кости.

Удар оглушил ловчего. Перед глазами побелело, в разможенном колене пульсировала страшная раздирающая боль, накаленная добела, расплывающаяся по телу, отдающаяся в черепе. Кестель ощутил, как в его глотке рождается и рвется наружу нечеловеческий вой. Если бы он вырвался, то испепелил бы и унес с собой рассудок.

Кестель чуть не задохнулся от натуги, но все же выдержал, стиснул зубы и задавил крик, укротил боль, сделал ее пусть не меньшей, но покорной, выносимой – почти так же, как укротил боль от ожога, когда держал запястье над свечой.

Кестель посмотрел на Хавараша.

Тот склонил голову, сопнул носом и раздробил другое колено. Снова взорвалась боль, Кестель содрогнулся всем телом, но совладал с нею без труда. Оба колена уже не держали тело, оно бессильно повисло, поддерживаемое гроблинами. Однако боль сильнее не стала.

– Держите его как следует! – приказала Алия.

Она оттолкнула Хавараша и шагнула ближе к Кестелю.

Шерон схватил Кестеля за волосы, приподнял голову. В глазах Алии Кестель заметил недоверие и злость, но они быстро сменились недоумением. Однако недолго продержалось и оно.

Меч мгновенно оказался у шеи, блеснул желтым в свете огня, прильнул к коже. Алия повела мечом плавно и медленно, будто в танце.

Кестель попытался отдернуться – безуспешно.

Рана вышла широкой, глубокой – и смертельной. В рассудок Кестеля ворвалась удушающая волна образов, звуков и запахов. Они обнимали, затопляли, наполняли, а когда не осталось ничего, кроме них – мир погас. Кестель подумал о том, что вокруг уж слишком мрачно и тихо, как в коридоре этой дрянной ночлежки, рванулся еще пару раз, отчаянно пытаясь вдохнуть, но держали его крепко.

Кровь хлынула на груди Алии Лов, потекла между ними.

Когда Кестель перестал дергаться, братья швырнули труп на пол.

– Общайте его! – приказала Алия.

Братья забрали все: и оружие, и все мелочи, и кошель с серебром. И серебряный медальон с рассеченным ремешком.

Алия взяла медальон, раскрыла его, посмотрела на портрет женщины внутри, на удивление детальный и выразительный, потом разочарованно и зло швырнула его в кучку отобранного у Кестеля.

– Это все? – нервно спросила Алия. – Передвиньте его, я сама поищу.

Через минуту она встала.

– Вот черт, нужно было хорошенько выпотрошить его, прежде чем убивать! Но иногда так трудно сдержаться...

Она еще раз взялась за медальон, снова посмотрела на рисунок внутри и поморщилась.

– Жалкий болван. Так носился с этим медальоном, так лелеял. Я и уверилась, что он – то самое. Холера, если б вы не вмешались, я бы подождала еще!

Младшие братья молчали и, когда думали, что Алия не замечает, жадно глазели на нее. Старший кашлянул – наверное, хотел что-то сказать, но притом неотрывно пялился на окровавленный кожаный нагрудник Алии.

– Ладно. Выкиньте падаль на помойку за изгородью, – велела Алия.

На столике под окном стояла деревянная лоханка с водой, служившая для умывания после сна. Но Алия не собиралась ночевать тут. Она смочила чистое полотенце и принялась вытираться.

Шероны завернули Кестеля в ковер, тут же пропитавшийся кровью.

– Ах, как она его очаровательно прикончила, – шепнул младший Шерон.

– Да обычная мясницкая работа, – столь же тихо возразил старший.

– Давайте оставим труп. С какой стати его тащить?

– Будет неэлегантно и неэстетично. Падали место на помойке.

Алия посмотрела на них и спросила, то ли в самом деле не расслышав, то ли чтобы прекратить разговоры:

– Ребята, вы о чем?

– О похоронах, – буркнул старший.

– Унылое это дело, похороны. Не разговаривайте про них.

Ведь вся выпачкалась в крови! Алия отвернулась и принялась расстегивать нагрудник, служивший заодно и бюстгальтером.

– Убирайтесь! – приказала она. – Мне надо умыться.

Братья вынесли труп из комнаты, пошли по коридору, а каждый представлял на свой лад Алию Лов и то, что она сейчас делает.

– Хватит свинских мыслей, – буркнул Хавараш. – Понесли к боковому выходу.

– У меня мысли исключительно платонические, – возразил Гамрон.

– Ты вообще у нас в голову трахнутый.

Хавараш пошел вперед, братья с ковром поплелись за ним, медленно пошли вниз по крутым стальным ступенькам, вышли из боковой двери.

От дерева с другой стороны улицы оторвалась длинная тень. Братья ее не заметили, перебросили ковер через высокий сетчатый забор на помойку. Из темноты выныривала тень за тенью.

– Тяжелый, – пожаловался Урахат.

Хавараш кивнул, посмотрел – и застыл. Со всех сторон подходили с оружием ловчие Театра, укрывшие лица под масками.

Шероны схватились за оружие. Младший оставил свое дома.

Ловчих было одиннадцать. Часть их держала в руках большую сеть с оловянными грузилами по краям. Остальные держались за древки огромных топоров.

– Где Алия Лов? – спросил ловчий.

Оловянные грузилабрякнули друг о дружку. Ловчие покачивали сеть. Над помойкой кружили вороны.

Род Шеронов славился твердолобостью и жестокостью.

– Я уже не люблю ее, – сообщил Хавараш.

– И я тоже, – согласился Гамрон.

– А у меня и без того хватает работы, – пояснил Урахат и вежливо рассмеялся.

Круг слышал все, что хотел услышать, и еще многое сверху, добавленное братьями, чтобы показать добрую волю.

Он исподлобья посмотрел на братьев. Отыскать постоянный двор, где Кестель оставил Алию, удалось без труда. Их видели знакомые Круга. Но не успел он подступить, как объявились Шероны. Они часто крутились поблизости Алии, и Круг решил не упустить возможность.

Он был человеком прагматичным, и охотней всего забрал бы всех троих в обоз и вывез в Театр. Братья умели драться, и их бои наверняка привлекли бы много внимания. Уж во всяком случае они были бы лучше несерьезных драк забавы ради. Их Круг не терпел. Арена – особое, значительное место, и там должны драться только насмерть.

Потому Круг хотел забрать Шеронов в театр и заставить биться за свою жизнь. Но проблема была в том, что на них не выписали ордера. А значит, ничего не получится.

– Кончайте, – приказал своим Круг.

Сеть упала на братьев, цепкая, будто паутина. Ловчие ударами тяжелых сапог заставили братьев успокоиться, сжаться в клубки, а потом долго тыкали мечами. С разбитых дощечек, которые старший носил за пазухой, просыпались алмазы, и ловчие кинулись собирать их. Круг смотрел, опершись о стальную сетку, отделяющую постоянный двор от помойки.

Ковер развернулся. Мертвые глаза Кестеля Нетсы уставились в ночное небо. Несколько минут Круг развлекался тем, что составлял подходящие случаю фразы о жизни и смерти.

Паяц сидел на тротуаре, упершись спиной в стену дома. Паяц крутил в пальцах монету, отобранную у толстого горожанина. Паяц вырезал ему кишки и обмотался ими, чтобы согреться. Горожанин выглядел богатым – по крайней мере настолько, чтобы позволить себе спать на постоялом дворе. Но при себе имел только одну стальную монету, а его кишки быстро остыли. Паяц крутил монету в пальцах, мерз и сожалел о прошлом.

Поблизости, над выгребной ямой, загалдела стая ворон. Паяц не слышал, о чем они, но ему передалось воронье настроение. Жалобное их карканье было уж больно выразительным. Паяц любил чужую печаль.

Он встал, отшвырнул монету, ради которой убил. Делалось холодней, и расхотелось сожалеть о прошлом.

Алия закончила отмываться, и теперь, стоя у окна спиной к двери, натягивала мокрые, но зато чистые кожаные доспехи.

– Вернулись? – не оборачиваясь, завязывая ремешок, спросила она. – И с какой стати вы взялись говорить о похоронах?

– Потому что смерть и похороны – часть жизни, – поделился придуманной фразой Круг.

Алия мгновенно развернулась – и застыла, гневно сощурившись: узнала знаки ловчих Театра. Круг считал себя человеком с принципами и старался не поднимать руку на женщин, но иногда ситуация требовала крайних мер. Он ударил Алию в висок и подхватил, прежде чем она упала.

Глава 6

Туут глядел на то, как Алия приходит в себя. Туут приказал, чтобы ее принесли в его личный фургон. Алия моргала – пыталась сориентироваться. Когда она сориентировалась, увиденное ей совсем не понравилось.

– Красивенькая и чистенькая, – констатировал Туут.

– Даже и не думай, – с трудом выговорила Алия.

Он и не думал.

Пусть его и называли примитивным варваром, но никто, даже и злейший враг, не назвал бы его глупцом. И свое дело Туут знал как никто другой. Именно он привез в Театр Одноухого, истребившего две группы ловчих с Арголана. Именно Туут доставил Невинных сестричек. С ними не совладало целое войско, а Туут справился. У него были свои методы. И потому он размышлял, в основном, о том, как затянуть Алию в Арголан, а не в постель. Но не в основном размышлял, конечно, и о постели.

Туут отнесся к Алие с большим уважением, и только разок отпустил шуточку насчет ее красот. Трудно было удержаться. Но – работа превыше всего, забавы потом.

Черт, эта женщина заслуживала уважительного и осторожного отношения.

Круг тоже знал, что делать. Правда, скотина он еще та – так ударил в лицо, а потом железа навязал, будто бинтов, и на такое нежное милое тело. Право слово, скотина.

– Не перестарался? – спросил Туут Круга.

Круг мотнул головой.

– Эх, знаешь, тот ловчий, ну, который привел ее сюда...

– Я его знаю.

– Зарезали его как поросенка.

– И что с того? – осведомился Туут.

Круг снова мотнул головой.

– Так вот, это же она, своими руками. И говорю тебе: точно как свинью. Гроблины мне все рассказали до последней мелочи. Не то чтобы я этого хлопца любил, я его ведь и не знал. Но прямо как свинью...

Хозяин обоза поморщился и сказал Алие:

– Меня зовут Туут, и я лицензированный перевозчик на Арену. Я вожу таких, как вы, моя госпожа, и доставляю в Театр.

Алия даже и не дрогнула – будто исключила Туута из наблюдаемого мира и не слышала сказанного.

– Я представился из вежливости, надеясь на толику приязни... хм. Знаете, госпожа Алия, вам бы лучше понять: конечно, мне важно привезти вас на Арену, но не любой ценой. У меня свои приоритеты.

Туут сделал многозначительную паузу – как всегда при таких объяснениях.

– Я зарабатываю на жизнь перевозками. Котик мой, если из-за тебя появится угроза мне или моим людям, ты сдохнешь на раз-два. Мы тебя прикончим, и дело с концом. У нас не все доезжают. Далеко не все. Так что заруби на носу.

И снова никакой реакции.

– Знаешь, говорят, что на Арене проще выжить, чем здесь, – склонившись к ней, тихо и искренне поведал Туут. – От нас никто не убежал. Никто не знает наших имен, не поет о нас песни, как о тебе. Но в наших возах дало дуба много сукиных сынов. Так что, Алия Лов, будь вежлива и не лишай нас состояния, которое можем за тебя получить.

– Кончай нести пургу, – наконец подала голос Алия.

– Ну да, конечно, – согласился Туут.

Он выпрямился, подал знак Кругу, и тот приказал стражникам забрать пленницу.

– Проследи за всем сам, – велел раздраженный и недовольный Туут.

– Черный фургон? – спросил Круг.

– Да. С этой девкой хлопот не оберешься. Не будем рисковать.

– Людям не понравится. Они устали, хотели хотя бы выпить перед завтрашним выездом.

Будут недовольные, а в особенности Марваст.

– Займись им, – посоветовал Туут. – Пусть станет довольным.

На лице Круга отобразилась интенсивная работа мысли.

– Ты уж постарайся, – добавил Туут. – И чтобы с этой девицы не спускали глаз ни на минуту.

Паяц приблизился к помойке, перескочил через забор. Паяц чуял кровь. Запах крови не возбуждал его – он не был вампиром. Но кровь всегда хорошая подсказка, если ищешь кого-нибудь.

Например, вояку с перерезанным горлом. О нем говорили вороны. Когда паяц подошел ближе и смог различить их речь, то не услышал ни о чем ином.

Без труда отыскался источник кровавой вони: старый ковер на куче мусора. Паяц вдохнул полной грудью и обвел помойку взглядом.

Трупа нигде не было.

– Опоздал, – подумал паяц.

Он коснулся крови. Она уже свернулась и застыла.

– Опоздал, – повторил он вслух.

Он поднял с земли два алмаза и не сразу понял, откуда они тут взялись, – пока не заметил тела гроблинов.

О том, что паяц опоздал, каркали до утра кружившиеся над помойкой вороны.

Алию замкнули в стальном фургоне. Снаружи он выглядел как обычный, только очень уж большой фургон, изнутри и снаружи обшитый деревом. А между слоями дерева пряталась панцирная сталь. В фургоне не было окон, и вообще ни одного отверстия, чтобы пропустить свет или сообщаться с внешним миром.

Меры предосторожности приняли сообразно с репутацией: не сняли кандалы, цепи прикрепили толстыми замками к железным кольцам, надежно вделанным в стены, в рот впихнули тряпку – боялись даже того, что Алия станет разговаривать в темноте.

– Ты уж прости, – сказал напоследок Круг, лично проверивший замки. – Я знаю, жестоко мы с тобой. Но ты ведь показала, чего можешь.

Когда немного раньше Алия спросила, как ей писать и делать прочее, он только пожал плечами. Судя по смраду в фургоне, предыдущим его обитателям тоже не ответили на этот вопрос.

Круг вышел и забрал с собой факел. Алия ощутила, как пробежал холодок вдоль спины. Алия вспомнила слова полковника про жестокость и улыбнулась бы в темноте, если бы не кляп во рту. Алии вспомнилось орденское испытание темнотой и лицо магистрессы Ордена, проводившей послушницу вглубь подземелья. Вскоре это лицо заслонили слои кирпичей – юную Алию замуровали в холодной стене. Хуже всего было, когда погасла свечка и воцарились темнота и тишина, казавшиеся бесконечными.

Алия провела в стене два месяца без света, воды и еды, может, даже и без воздуха, использовала все, что годами вдавливали ей о выживании – и выжила. Многим сестрам не хватило умения. Из стены тогда доставали их трупы, было много вони и грязи. Иные выжившие выходили седыми как старухи, никого не узнавали.

Алие после испытания достался только страх темноты. Не самая тяжелая травма, и чаще всего с ним удавалось совладать. Чаще всего – но не всегда.

– Жестоко, – повторила Алия про себя произнесенное полковником слово.

Ей хотелось крикнуть о том, что Круг не имеет понятия о настоящей жестокости. Глупый мужчина. Хотя высокий и даже симпатичный. Но улыбаться Алие расхотелось.

С каждой минутой темнота давила все сильнее. Казалось, вернулись те давние времена, когда погасла последняя свечка.

«Сестричка, я надеюсь, ты об этом помнишь, – подумала Алия. – Очень надеюсь».

Было близ полуночи, когда Роттардамус, ловчий из Театра, положил в огонь толстый, напитанный смолой сук. Он тут же запылал, а Роттардамус посмотрел на пламя так, словно увидел впервые в жизни.

– Пламя такое красивое и адски горячее, – сказал он. – Пусть разгорится сильнее, а то у меня прямо яйца отмерзают.

Другой ловчий, Лаль, посмотрел на стоящий рядом тюремный фургон.

– Глупо оно как-то – стеречь только один бок.

Роттардамус тоже чувствовал, что его поставили на глупое и бессмысленное дело. Конечно, иных пойманных надо стеречь крепче, чем остальных, но ведь такие хлопоты из-за бабы! Роттардамус был не очень высокого мнения о женщинах.

– Да слышал я о ней, – продолжил Лаль. – И не то чтобы говорили о чем-нибудь эдаком, отчего челюсть падает до пола. По-моему, подвигов за ней, как за обычным бандюгой.

– Да, раз уж дала себя поймать, как-нибудь устережем, – согласился Роттардамус. – Нас тут вон сколько.

– Но при полковнике лучше не говорить, что мы про это думаем, – напомнил Лаль. – Вон, Марваст распустил язык.

– И что?

– Будет целую ночь чистить нужник.

– Мог бы он и заткнуться, – заметил Роттардамус. – Полковник не любит болтунов.

– С другой стороны, мы стережем бок фургона, а Марваст драит латрину. Кому лучше-то, а?

– Это да, – согласился Роттардамус, оторвал взгляд от костра и спросил: – А вот там кто?

Пусть ночная вахта и не нравилась, но оба были опытными ловчими, и, если уж взялись за работу, никакая сила не могла их от работы оторвать. Было приказано сторожить – они сторожили.

Потому оба заметили женщину еще до того, как она вышла из-за ближайшего фургона с провиантом. Ловчие заметили то, что от тени фургона оторвалась меньшая тень.

На женщине был черный плащ и перчатки, лицо заслонял платок – и никакого оружия. На лице были открыты только глаза. Женщина пошла к костру.

– Я ее не знаю, – сообщил Роттардамус и скомандовал: – Стой!

От его крика вскочили стражники у других костров. Женщина остановилась.

– Кто такая? – грозно спросил Роттардамус и схватился за оружие.

Он носил пару клинков: короткий широкий меч и кинжал.

Женщина вытянула руку и крутанула ладонью, словно завязала петлю.

– Ах, – выдохнул Роттардамус и снова повернулся к огню.

Лаль и остальные стражники тоже усадились и успокоились.

– Пламя такое красивое и адски горячее, – сказал Роттардамус. – Пусть разгорится сильнее, а то у меня прямо яйца отмерзают.

Другой ловчий, Лаль, посмотрел на стоящий рядом тюремный фургон.

– Глупо оно как-то – стеречь только один бок.

Женщина беззвучно подошла к стальному фургону, коснулась засовов, и те мгновенно отодвинулись и обуглилось, задымилось дерево. Женщина скользнула внутрь, впусав сквозь щель толику света от костров, плотнее прикрыла платком лицо, чтобы защититься от смрада.

Женщина подошла к скованной Алие, вынула тряпку из ее рта, сняла перчатку и тонкими пальчиками приподняла тяжелый замок. Он лопнул и рассыпался, будто стеклянный. Такая же участь постигла и остальные замки.

Цепи брякнули о пол. Освободившаяся Алия посмотрела на женщину. Та, несомненно, заметила бледность Алии, ее прерывистое дыхание. Женщина поправила платок, рукой без перчатки погладила щеку пленницы, затем вышла, растворилась в темноте.

Алия выглянула, вдохнула полной грудью ночной воздух, окинула взглядом стражу у костров, затем неохотно вернулась в смердящий фургон и прикрыла дверь.

Кто-то прошел неподалеку. Алия заметила его сквозь оставленную щель.

Круг стал за несколько фургонов от стального. Нет смысла идти дальше, все хорошо видно и оттуда. Круг не мог заснуть. Его мучила непонятная тревога, и захотелось убедиться в том, что стражники исправно делают дело. Похоже, так оно и есть. Костры горят, люди бодрствуют. Все в порядке.

Сквозь ночную тишину донеслись слова Лалы:

– Но при полковнике лучше не говорить, что мы про это думаем, – напомнил Лаль. – Вон, Марваст распустил язык.

– И что?

Круг подумал о том, что его люди сплетничают как старые бабы. Однако дело знают, на них можно положиться. Пусть и ворчат, но сторожат чутко, как лесные звери.

Круг сам выбирал их. Он, Туут и их люди были лучшими наемниками Театра. И все это знали. Круг даже ощутил что-то вроде прилива гордости, а потом вернулся к себе и заснул как камень.

Тууту не спалось. Он все раздумывал. Сперва из головы не шла Алия. Он воображал ее нагой, представлял очертания ее бедер. Туут считал себя истинным знатоком и ценителем бедер. Бедра Алии – просто чудо. А ведь еще и лицо исключительной красоты. Просто невероятное сочетание. Но женщина опасная плюс к тому дорого стоит, и лезть к ней – не самая лучшая идея. Глупая, губительная идея. Туут на разный лад объяснял себе это и твердо решал оставить всякие мысли о плотских забавах, но мимо воли снова принимался думать о них и знал, что рано или поздно попробует.

Хотя это и все равно что улечься в постель с волчицей.

Когда Туут не раздевал мысленно Алию, то раздумывал о работе.

Набрался уже полный груз, и самое время везти добычу в Арголан. Туут вздохнул. Хотелось взять еще несколько тех, на кого выдали ордера. Но содержание полного обоза стоило денег, ведь довести добычу следовало в хорошей форме – того особо требовал лорд Арголана. Потому Туут решил сперва выехать, а уже потом, по дороге, созвать высланных на поиски ловчих.

Хорошо, что взяли Алию. Это экономит время.

В дверь нетерпеливо, резко застучали.

– Войдите, – крикнул Туут.

Алия скользнула внутрь и притворила за собой двери.

– Однако я хорошо воспитана, – буркнула она.

Она выглядела еще красивей, чем когда Туут увидел ее впервые. Но проблема была в том, что в одной руке Алия держала короткий меч, а в другой – кинжал.

Рукоятки – в цветах наемников Туута. Оружие его людей. Он застыл. Туут знал и любил хозяина этих клинков.

Алия заметила то, как отреагировал Туут, и сказала:

– Не тревожься о стражнике. Он живой, сидит у костра и все говорит о том, как у него мерзнут яйца. Жутко слушать, право слово.

– Как...

– Лучше спроси отчего. А оттого, что меня страшно достает, когда на меня так пялятся. Я позволяю пялиться на себя только князьям. И не делай вид, что ничего бы не позволил себе. Я тебя накажу не за то, что сделал, а за то, что мог бы сделать, будь на моем месте другая, не настолько предприимчивая женщина.

– Но я...

– Да, ты, мерзкий, скользкий сластолюбец.

Туут попятился. У него не было оружия, а если бы и было, он вряд ли сумел бы воспользоваться им. Сам он никогда не учился драться. Его таланты лежали в другой области, и его обычно охраняли другие.

Алия была на голову выше Туута. Она подошла, приставила ему кинжал к горлу. В памяти Туута тут же выскочили страшные слова Круга про жестокость Алии Лов.

– Ты хотел показать себя профессионалом, – шепнула она. – Я тоже.

Она занесла короткий меч. Туут хотел заговорить, но из глотки не вырвалось ни слова.

Но зато заговорил другой.

– Алия, хватит, – произнес знакомый усталый голос.

В дверях фургона стоял Кестель.

– Отпусти, – приказал он.

Глава 7

Он знал, что Алия очень чуткая, обязательно услышит, если он попытается войти, и потому приготовился к драке. Алия занесла меч, чтобы швырнуть, но оцепенела, услышав голос Кестеля.

– Феноменально, – произнесла она, легонько оттолкнула Туута и обернулась.

Кестель стоял в дверях и держал в руке кинжал – тоже готовый к броску.

– Что, убьешь меня из-за него? – осведомилась Алия.

Кестель еще не очень хорошо видел, но она не знала об этом. Он тронул ладонью окруженную вокруг шеи тряпку, неуклюже ступил в фургон.

Двигался Кестель с трудом, будто окоченелый.

– Отойди от Туута, – приказал он.

Алия отступила едва на шаг, но Туут мгновенно среагировал: с поразительной ловкостью извернулся, проскочил под ее рукой и спрятался за плечами избавителя. Но даже и тогда не смог удержаться от того, чтобы полюбоваться красотой стоящей перед ним женщины. Если кто и мог оценить красоту женского тела, так уж точно Туут.

– Ты не удивлена мне? – тихо спросил Кестель – гораздо тише, чем намеревался.

– С чего бы? Нам мир странен, и в нем творятся странные дела.

– А вот я удивлен, – вставил Туут. – И просто несказанно обрадован.

– Алия, положи оружие.

Она заколебалась, но все же положила клинки.

– Я позову Круга? – предложил Туут.

Кестель опустил руку с кинжалом.

– Минуту. Кто такой Круг?

– Мой человек. Он ее поймал.

– Ты убила его? – спросил Кестель.

– Мужлана в полковничьем мундире, закрывшего меня в темноте? Для ловчего он уж очень чувствительный. Тупой, но чувствительный. Убить я захотела только вот этого карлика. Он пялился на меня.

– Я безусловно вел себя с госпожой, – запинаясь, хрипло произнес Туут. – Конечно, если принять во внимание обстоятельства.

– Пялился на меня, как голодный пес!

– Алия, не везет тебе со мной, – мрачно заметил Кестель.

Она щедро, от души рассмеялась. Он поразился тому, насколько ее смех был открытым и искренним.

– Я пойду позову Круга? – снова предложил Туут.

– Если уж без него никак...

Туут проворно выскочил из фургона. Кестель забрал оружие Али.

– А ведь правда, – сказала она. – То есть я знала, что правда, но не представляла того, насколько быстро ты выползешь назад.

Он стиснул зубы. Надо дождаться возвращения Туута. Кестель не хотел делать ничего, о чем бы пожалел потом, но сейчас он глядел на женщину, убившую его, и у него дрожали руки.

– Ты живой пример того... э-э, удачно сказано, живой пример... в общем, того, как нешаблонно понимаемая любовь преодолевает смерть. Кестель, ты только не обижайся, но твоя история – а я ее знаю очень хорошо, уж поверь, – так вот, она всегда казалась мне слишком уж слезливой.

– Много ты знаешь.

– Знаю. И кое-что стыдное тоже. Ты же схватился за яд, как баба. Так не по-мужски.

– Ты у меня кое-что забрала, – перебил ее Кестель – для ее же блага.

– Разве что жизнь...

– Медальон.

– Тебе и вправду он так важен? – с интересом посмотрев на Кестеля, спросила Алия.

– Куда ты его дела?

– Любишь смотреть на ту смазливую мордашку? И что ты при том воображаешь?

Кестель сейчас думал лишь о том, как помог бы ему медальон. Его сила уняла бы дрожь в ладонях, помогла бы легче перенести возвращение.

– Это мой шимскар, – ответил он.

– А мне-то показалось, хм, – сказала она, и по ее лицу пробежала легкая тень разочарования. – Спроси того полковника, он забрал мои вещи. А когда будешь забирать, не мог бы ты взять и мои бальзамы? В твоих руках или нет, я хочу по-прежнему быть красивой.

– Обернись и сложи руки за спиной. Я должен связать тебя.

– Мне понравились твои узлы, – покорно обернувшись, сказала Алия. – В сравнении с тем, что сделали со мной тут, они – воплощенная нежность. Кестель, а мы милый. Деликатный. Потому я терпела твои узлы, а их цепи сбросила.

Кестель не слушал ее. В мыслях был далеко. В его глазах еще светились отблески огня, горящего у корней Вечного дуба.

Снаружи затопали. В фургон ввалился Круг с мечом в руке, потом осторожно шмыгнул Туут. За их спинами маячили стражники с цепями.

Силком вырванный из первого сладкого сна Круг недоуменно смотрел то на Кестеля, то на Алию.

– Ты ж мертвый, – пробурчал Круг.

– Пускай они не мешаются, – указав на стражников, велел Кестель.

– Как же нет, ведь она...

– Она вошла сюда вопреки всем твоим стражникам. Я с ней до сих пор справлялся, справлюсь и сейчас.

– Ага, справился. Она тебя прикончила, – буркнул Круг, но все же велел стражникам убираться.

Алия стояла с гордо поднятой головой и глядела на мужчин, прищурилась, кончиком языка коснулась зубов.

– Если снова замкнете меня в той помойке, обещаю, что выйду снова и убью всех, кто встанет на пути. И вас, господин полковник. И тебя, Туут. Тебя, Кестель, наверное же не убью, напрасная трата времени. Но ты меня не остановишь.

– Вы позволили ей уйти? – мрачно осведомился Кестель.

– Как и ты, – зло ответил Круг, скривившийся так, будто у него заболели зубы. – Восемь моих людей целиком свихнулось. Это магия.

– Алия не может знать магии. Она бьется сталью.

– Скажи это моим людям. Я не знаю, что с ними станет. С ними все хуже и хуже.

– Откуда магия? – спросил Кестель у Алии.

Та не ответила.

– Под замок ее, – предложил Круг.

– Кестель, ты согласен? – спросил Туут.

– Да. Но стерегите как следует.

– Можете меня заковать в кандалы, но чтобы были чистые и подбитые мягким, – голосом холодным и твердым, как стальной обруч, сообщила Алия. – Я согласна сидеть в фургоне, но чтобы с окном, кроватью и свежим бельем. И чтобы было светло.

– Закройте ее в наидерьмовейшем дерьме, которое только отыщете, – коснувшись тряпки на шее, сказал Кестель.

– Ну нет, мы здесь дважды ошибок не повторяем, – решил Туут. – Круг, разместишь ее у Катии. Алия, это моя фаворитка. Роскошной фургона не сыскать в целом караване. На время переезда пусть Катия идет к остальным женщинам.

– Она не обрадуется, – заметил Круг, не спускающий взгляда с Кестеля.

– Фургон хотя бы с решетками? – спросил тот.

– Тут везде решетки, – холодно заметил Туут. – Сами живем как в тюрьме, потому что так практично и безопасно, а всякий фургон можно использовать разным образом.

– Я охотно размещусь в апартаментах первой шлюхи, – благодушно согласилась Алия. – Они умеют приглядеть за собой. Только смотри, Туут, чтобы ты ненароком не перепутал.

– Да куда там! Я даже прикажу тебя развязать. Но взамен я попрошу об одолжении. Мои люди, которые попали под магию... с ними серьезно? Круг сказал, что они сошли с ума, а мне хотелось бы видеть их нормальными.

– ...Сперва я хотела бы посмотреть, что мне достанется, – поразмыслив, сказала Алия.

– Конечно. Круг, проводи нашу госпожу, но только поделикатней.

– Господин Туут, будет сделано, – сухо сказал полковник.

– Тревожиться не стоит, – сказал Туут, когда остался наедине с Кестелем. – Тот фургон не только очень удобный, но еще и с защитой ХоГанг. Вдобавок Круг примет меры. И с магией мы разберемся, когда побольше узнаем о ней. А откуда вообще у Алии взялась магия?

– Я не имею понятия, – ответил Кестель.

– А мы даже и не подумали. Охраняли ее, как опасного бандита, но простого, без магии.

Туут выглядел так, будто его вдруг оставили силы. Пошатываясь, он подошел к стоящему в углу комоду, оперся о него, затем вынул оттуда графинчик, налил содержимое в хрустальные стопки. Напиток буквально выедал внутренности, но Кестелю он все равно показался слишком слабым.

Хозяин каравана шлепнулся в кресло.

– Мне говорили, ты умер.

– Не надо об этом, – скривившись, сказал Кестель. – Лучше поговорим о том, зачем ты отправил вслед за мной своих людей.

– Я боялся за тебя.

– В самом деле? И отправил команду, способную прикончить трех гроблинов? Может, ты боялся за что-нибудь другое?

– Если бы Круг поспешил, успел бы тебя спасти, – заверил Туут, увидел, как на него смотрит Кестель, и смешался, устоял в пол.

– Ладно, – повторил Кестель. – Я не про то. Мы договорились о проценте.

Туут прервал его жестом.

– Деньги могу отдать хоть сейчас. То, что ты сделал для меня...

Он умолк, не договорив.

– Тяжело строить планы на будущее, когда поблизости Алия Лов, – заметил Кестель. – Господин Туут меня не знает, но я водился с людьми, которые тебя знают много лет. И потому у меня сложилось определенное мнение. В общем, пусть пока мои деньги побудут у тебя. Заберу потом.

– Несмотря на то, что я не справился? – спросил глава каравана.

Он сгорбился в кресле – маленький, тщедушный – и оттого показался еще меньшим.

– Это плохо, – согласился Кестель. – Но тем не менее.

– Такое доверие, и по нашим-то временам, – буркнул Туут и махнул рукой. – Эх, я будто заново родился. Будто мне подарили вторую жизнь.

В этом Туут, перевозчик живой добычи для Театра, был совершенно прав.

На этот раз Круг поступил иначе. Роскошный фургон, где Туут возил свою любовницу (теперь отправленную в прежнюю клетку), охраняло всего трое стражников. По меркам Театра охрана сильная, обычно один стражник приходился на два-три тюремных фургона, но ничего настолько экстраординарного, как раньше.

Круг умел извлекать уроки из поражений.

Та троица стражников – только приманка, готовая принять первый удар, наименее важная часть охраны, которая теперь была многослойной и, кроме первого слоя в виде той троицы, хорошо спрятанной.

Вокруг фургона разожгли несколько костров, чтобы он был полностью залит светом. Алия просила о нем – и получила вдосталь.

В соседних фургонах посадили наблюдателей, сменяющихся каждые два часа. Если бы начались какие-нибудь странности, весь караван был бы на ногах в несколько секунд – Круг объявил повышенную готовность.

А поблизости крутились тренеры ментальных псов со своими подопечными. На них-то Круг и возлагал наибольшие надежды.

Он вернулся и тяжело уселся в резное кресло. Круг казался удрученным. Кестель сидел, упершись локтями в стол, и поддерживал свою голову – уж больно отяжелела из-за доброй можжевельки, которой щедро потчевал Туут. Кестель хлестал завзято, стопку за стопкой, и ничего не чувствовал – словно пил воду.

– Мне кажется, она из тех, кто не должен доехать до места, – мрачно заметил Круг.

– Что с нашими? – вздохнув, спросил Туут.

– Приходят в себя. Она махнула рукой, будто отогнала муху, и они все попадали наземь. Мало им уже оставалось до полного... и ничего не помнят.

– Это она сняла заклятие?

– Ну да, сама, – подтвердил Круг.

– Невероятная женщина. Безумно опасная. Я не знаю, сможем ли мы ее удержать, – заметил Туут.

– Потому нужно сделать с ней то же самое, что и с другими, угрожавшими нам.

– А что ты об этом думаешь? – спросил Туут у Кестеля.

– Она должна попасть в Комнаты – живая, – ответил тот.

– Я еще недавно прибирал твой труп, – буркнул Круг. – Ты уж должен лучше нас знать, что она не стоит жалости. Как же ты выжил?

Кестель ощущал себя пустым. Использованным и выброшенным. Он покачал в пальцах стопку и глухо выговорил:

– Я и не выжил.

– Издеваешься?

– Круга потрясло то, что наша девица с тобой сделала, – пояснил Туут и долил себе можжевельки, – А человека вроде Круга нелегко потрясти. Как же ты вывернулся из такого? Кстати, тебе налить еще?

Кестель кивнул. Водка жгла горло, но не давала настоящего тепла, проникающего до костей, напоминающего человеку о том, что в нем еще теплится жизнь.

– Некоторое время назад, – неуклюже начал он и замолк, подбирая слова. – В общем, я поддался слабости и отравился из-за любви... В общем, была одна женщина. И спас меня странный, непонятно откуда явившийся дед. А я, едва очухавшись, попробовал снова. Тогда дед, оказавшийся колдуном, наложил на меня чары. Из-за тех чар я даже сам себя любить перестал, не то что ту женщину. А колдун для верности еще и упас меня от смерти, в общем, дал бессмертие.

Кестель вздохнул.

- Ну, если еще раз повстречаю того сукина сына, прикончу!
- Ты серьезно? – спросил Круг.
- Можешь меня убить – я снова оживу.
- Наверное, могучий колдун, – задумчиво произнес Туут. – Наверное же, чернокнижник.

А ты, как я вижу, не слишком благодарен ему.

У Кестеля мышцы еще оставались окоченелыми, как у трупа, а кровь казалась ледяной. Кестелю вовсе не хотелось говорить о смерти. Перед глазами еще висела темная муть. Приходилось изо всех сил сдерживать судороги, а водка почти не действовала. Кестель хотел бы остаться в одиночестве, забиться под одеяло и перележать худшее время, дожидаться, пока восстановится власть над телом.

- Отравился из-за любви, как баба? – спросил пораженный Круг и захохотал.
- Отвяжись, – посоветовал Кестель.
- Ну ладно. Но, честное слово, упек ты меня дурацкой историей своей дурацкой жизни.
- Я же сказал, отвяжись, – снова посоветовал Кестель, много раз рассказывавший свою историю и всегда получавший одни и те же насмешки. – Ты когда взял Алию, забрал все ее вещи?

– Все, что было.

– Тогда у тебя и ордер на нее, и мой медальон.

– А, так это она, с портрета, – полковник ухмыльнулся во весь рот. – И медальончик твой, не чей-нибудь. Ну да, красивая.

Кестель отставил стопку и выпрямился. Круг ему надоел. Очень.

А вот Кругу не надоело.

– Да не нервничай. Что, носишь как память? Конечно, отдам я его... А если вдруг захочешь сделать глупость из-за чьей-нибудь смазливой задницы, только дай мне знать. В момент познакомлю с несколькими еще смазливей.

Похоже, Круг искренне упивался собой.

– Яд, ну надо же. А что, как следует сделать не мог? Ну, бросился бы на меч, как Третий генерал хунг. Хотя нет, он же то для чести, а не из-за бабы.

Туут понял, что настало время вмешаться.

– Между прочим, Нетса мне жизнь спас. А ты – подвел, – напомнил хозяин каравана.

– Я знаю. Я не ожидал магии, – сказал помрачневший Круг.

– Я б ее лучше выкинул из каравана, – заметил Туут. – Однако же, Кестель, я кое-что тебе должен.

– Я взял ордер и должен доставить ее в Арголан живой.

– Мы ее и доведем, – заверил Туут. – Нам уже случалось возить магов. А она – не маг. Почти уже ни у кого не осталось сомнений в том, что помогли-то ей снаружи.

С этим было трудно не согласиться. Алия не могла быть магом. Она убивала мечом и могла – почти как всякий человек – самое большее воспользоваться попавшим в руки магическим предметом, либо снять заклятие, если знала о его строении, либо наслать простейшие чары. Больше – вряд ли.

Алия должна была очень хорошо знать охранявшего ее мага, быть с ним в близких отношениях. Круг сказал, что заклятие Алия сняла чуть не одним пальцем, походя.

– Хорошо было бы знать, безопасности ради, что именно она умеет, – заметил Туут.

– Я знаю местного гусяра, – сообщил Кестель. – Может, он что-нибудь посоветует?

В лесу неподалеку худенькая женщина в пелерине оперлась о дерево, сняла платок с лица и с наслаждением вдохнула ароматный воздух ночного леса.

Затем женщина осмотрелась.

Ночной лес казался неподвижным, молчаливым. Женщина стояла долго – достаточно для того, чтобы о ней узнали местные звери и прочая живность. Удрало буквально все живое, способное удирать.

Оттого женщина смутилась. Она любила лес и его обитателей и неприятно удивилась тому, что лес боится ее.

Однако женщина знала, что бояться ее не без причины. Вообще говоря, страх иногда бывал полезен – например сейчас, когда предстояло уйти в себя и стать беспомощней самой слабой лесной твари.

Убедившись в том, что никто и ничто не мешает, женщина застыла, перестала дышать. Часть ее естества отделилась и помчалась сквозь чащу.

Люди не могли ее видеть, разве что самые чуткие ощущали чужое присутствие, хотя и не смогли бы его локализовать. Лесные звери шарахались, когда она пролетала мимо, быстрая и неуловимая, как дуновение ночного ветра.

Женщина прилетела в город, в лагерь ловчих Театра, увидела роскошный фургон в свете костров, трех стражников, глаза выглядывающих из-за решеток спрятавшихся ловчих, арбалеты в ладонях, десятки вооруженных мужчин, дремлющих, но готовых в любой момент сорваться с места.

Женщина вздрогнула. А, ментальные псы и их мерзкие дрессировщики.

Псы наострили уши, дрессировщики насторожились. Но тень женщины уже проникла в богато украшенный фургон. Алия Лов лежала на роскошной византийской кровати, с рукой между ног, часто дышала.

– Сестра...

– Сестричка моя, не нужно. Я останусь и узнаю, где оно.

– Я буду поблизости, – пообещала женщина.

Тень выскользнула за круг света, а сидящая под деревом в лесу женщина открыла глаза и осмотрелась. Уход в себя продолжался всего несколько минут, вокруг ничего не изменилось.

В лесу царила полнейшая тишина.

Глава 8

Круг со стражниками прибежал к фургону Алии. Ментальный пес ворчал, с пасти стекала слюна. Он бросился бы на полковника, если бы не шипастый ошейник, впивавшийся в горло и плечи.

У дрессировщика лицо было в татуировках. Он посмотрел на Круга и сказал:

– Сильная магия. Никаких там трюков на публику, настоящее мастерство. Пес обмочился со страху.

– Что-то в нем сейчас не видно испуга.

– Первый страх прошел. Но ведь его ярость – тоже от страха. Разве не видите?

– И что это было? – осведомился Круг.

Он ненавидел магию. Хоть и с вооруженной стражей вокруг, ощущал себя будто кролик в лисьей пасти.

– Колдун это или колдунья, но не лесная голытьба и не гусяр-самоучка, нашедший книгу заклятий и лепящий, что получится. Это был настоящий мастер. Он прошел сквозь защиту ХоГанг, как сквозь паутину.

– Алиа на месте, или колдовство утащило ее с собой?

Пес рванулся, натянул цепь. Раздраженный полковник достал кинжал и стукнул рукояткой пса по морде. Тот заскулил, его дрессировщик зажмурился, пытаясь сдержаться.

– Не надо его бить, – раздельно выговорил дрессировщик. – Такая уж природа ментальных псов. Они ненавидят всех и вся, кроме своего хозяина. Хотя его тоже ненавидят, но чуточку меньше. Господин полковник, если хотите пользоваться его умениями, пожалуйста, не бейте его.

В спокойных словах дрессировщика слышалась угроза. Круг не терпел угроз, однако ментальные псы и их дрессировщики существовали на грани между магией и обычным миром – и потому Круг боялся, и ударил из страха. Псы были нужны, и дрессировщики понимали это.

– Алиа еще там? – повторил вопрос Круг.

– Я думаю, там. Хотите – проверьте.

Круг подошел к входу и кивнул своим людям. Когда те стали полукругом у входа, Круг постучал.

– Кто там? – спросили из фургона.

Нет сомнений: это сладкий голосок Алии Лов. Круг глянул на дрессировщика, тот сказал:

– Ну, это еще ничего не доказывает. Мог остаться только голос.

Круг постучал снова.

– Ну кто же там?

Снова тот самый голос, еще нежнее и слаще прежнего.

– Я хочу обыскать фургон. Мы знаем, что у тебя был гость.

За дверью рассмеялись.

– Ну заходи, но только ненадолго.

Круг указал своим людям на два внутренних замка и большой навесной.

Пока стражники возились с замками, Круг думал о том, что никогда прежде у него не было пленника, которого приходилось предупреждать перед входом в камеру. А ведь спросил, особо не задумываясь, почти мимо воли. Круг не хотел себе в этом признаваться, но он по-настоящему боялся Алии Лов.

Лучше бы оказалось, что она удрала.

Когда замки были открыты, он широко распахнул дверь, увидел лежащую в постели Алию, прикрытую одеялом, и вошел. Он открыл одни внутренние двери и другие, без особой надобности проверил шкафы, и крайне неловко себя при том ощущал. Повсюду валялась жен-

ская одежда. Любовница Туута и в мыслях не имела наводить порядок, а Алиа – прибираться за ней. В фургоне не оказалось никого помимо довольно ухмыляющейся Алии.

– Ну что, обыскал? – осведомилась она. – А теперь уходи.

Он ушел – неохотно, с нарочитой неспешностью. Хотя он и желал поскорее убраться, очень не хотелось поворачиваться к Алие спиной.

Снаружи он прищурился – свет костров слепил глаза. Пусть и посреди ночи, там было светлей, чем в фургоне, а может и светлей, чем на лесной поляне в жаркий безоблачный день,

– Я видел ее. Она там.

– Это еще ни о чем не говорит, – возразил дрессировщик. – Это могло быть видение.

– Когда замешивается магия, ни в чем нельзя быть уверенным. Однако я видел своими глазами, и мне достаточно, – сказал Круг, задумался на минуту и добавил: – Я в этом уверен.

Дрессировщика уверения, похоже, не совсем уверили. Он ласково потрепал холку пса и сказал:

– Я магию такой силы встречал только раз, на войне с хунг. Господин полковник, я вот что вам скажу.

Он тревожно посмотрел в темноту, облизнул губы.

– Магия такой силы никогда не появляется случайно. Да вы и сами об этом знаете, недаром ведь постучали и спросили разрешения, перед тем как зайти в фургон.

Кругу показалось, что слова дрессировщика прозвучали без малого насмешливо. Так ли уж, на самом-то деле, нужен это наглый тип?

Так, дьявол его раздери, так.

Круг отвернулся и уставился на то, как стражники возятся с замками. Шлюхи Туута не запирались на ночь, замки вовсе проржавели. Наконец стражники задвинули засов и повесили замок. Круг подумал, что с таким же успехом можно было бы просто повязать розовую ленточку.

Кто-то положил ему руку на плечо. А, Туут.

– Что тут происходит?

Круг посмотрел на подошедшего следом Кестеля и сказал ему:

– У нас тут проблемы, и немалые. Лучше бы твой гусяр помог хоть чем-нибудь.

Во сне башня казалась выше, чем была в яви. Жутко грохотали молотившие воздух драконьи крылья.

Кестель боялся дракона, ненавидел вздымавшуюся от сожженной земли пыль, лезущую в горло, раздражающую легкие и ноздри.

– Ты придешь ко мне? – спросила девушка. – Я буду ждать тебя.

В ее голосе жила надежда на то, что Кестель придет и вызволит из ада, куда уpekла ее мать. А Кестель не пришел. Змея невозможно победить. Его крылья величиной в бальные залы, они заслоняют все небо, закрывают солнце.

– Ты придешь? Я буду ждать.

Драконья шкура как стена, тверже скалистых утесов. Ее не пробить мечом.

А еще пыль.

– Придешь?

Голос не умолкал в его голове – отчаянный, закрытый в каменную клетку...

Кестель проснулся измученным, будто вовсе не спал. Голос пульсировал в ушах в такт биению сердца. Но постепенно он затих, смешался с людскими криками, звоном конских копыт о мостовую.

Кестель уселся на кровати. Он лег, когда уже рассвело, а теперь солнце лишь чуть продвинулось от горизонта. Ну что же, заснуть хоть на несколько минут – уже неплохо.

– Поправь упряжь! – зло приказали из-за стены. – Не так это делают, и ты о том знаешь.

– Да сойдет, – отмахнулся кто-то, считавший, что раз упряжь, значит, и в самом деле сойдет.

– Я тебе сто раз говорил: нельзя так делать!

– А, вот оно что, – подумал Кестель. – Туут сворачивает обоз.

Туут много думал, и когда уже передумал обо всем множестве способов, утвердился в том, что ситуация ему очень не нравится. И с каждой минутой нравится все меньше.

– Давайте мне сюда Кестеля Нетсу, – приказал он стражнику. – Пусть приходит ко мне как можно скорее.

Кестель послал пришедшего ловчего к дьяволу. Усталость совершенно лишала воли, обессиливала. Кестелю досталась кровать, отгороженная от кроватей прочих ловцом тростниковой перегородкой, и это было замечательно. Однако очередная практически бессонная ночь отнюдь не поправила его настроение, и Кестелю было совсем неинтересно узнавать, чего именно от него захотел Туут.

Караван стронулся в полдень. Фургоны долго ползли по каменным улочкам Клоокблока, медленно выехали на тракт. Кестель подпрыгивал от каждой выбоины. Было непросто привыкнуть к жизни в фургоне.

К Тууту Кестель явился лишь ближе к вечеру.

– Есть проблема, – услышал Кестель вместо приветствия.

– Проблемы всегда есть.

– Эта проблема с твоей пленницей.

– Удрала?

– К сожалению, нет.

Кестель кивнул. Ну что ж, раз не убежала, то проблем нет.

– Проблема в том, что чем больше я думаю, тем больше прихожу к убеждению: это не она у нас в плену, а мы у нее, – вздохнув, поведал перевозчик.

– Но ведь она по-прежнему за решеткой.

– Это да, конечно, и, как было договорено, в фургоне моей подружки. Наверное, бывшей – уж больно ее расстроил переезд.

– Так в чем дело? – удивился Кестель.

– А в том, – раздумчиво подбирая слова, сказал Туут, – что вокруг нее много очень сильной магии. Кто-то Алию охраняет, дрессировщики ментальных псов уверены в этом. И выглядят наши дела до крайности паскудными.

– Если бы я не видел трупов, то подумал бы о тех трех гроблинах, ее обожателях.

– Шеронах, что ли? – ухмыльнувшись, сказал Туут. – Да я таких ловлю уже много лет и делаю из их алмазов ожерелья для своих женщин. Знаешь, эти камешки почти ничего не стоят. Промышленный разряд, дешевка.

Туут пренебрежительно махнул рукой.

– Круг убил их, потому что не имел на них ордер. Жаль, что он не подождал, я бы сделал. В любом случае, я говорю не про колдовство пещерного самоучки, а про настоящую, очень опасную магию, способную разнести в клочья весь наш караван.

– Бессмыслица, – отрезал Кестель.

– Смысл или бессмыслица – дело интерпретации. А я говорю о фактах. Смысл обнаруживается вместе со знанием. А у нас не знания, а подозрения, и потому мы не видим смысла, мать его так и перетак.

Кестель спросил себя, с какой стати пошел слух о том, что Туут – примитивный болван.

– Нетса, ты мне, конечно, спас жизнь, но тут делается уж слишком горячо, – сообщил вспотевший от мыслительной натуги и страха Туут.

– Отступаешься от обещания?

– У меня нет выхода. Вообще-то, следовало бы ее прикончить, но, если подумать, это крайне рискованно. Тебе она нужна живой, а я не знаю, что учинит маг, который возле нее крутится, если я вышлю к ней убийц.

– На твоём месте я бы больше опасался того, что могу учинить я, – предупредил Кестель.

– Ну да, ты мне уже говорил о том, что она тебе нужна живой. Вот только я ее здесь совсем не хочу.

– Туут, я тебе поверил.

– И был прав. Ну да, я же человек чести. Стараюсь блюсти принципы с тех пор, как Третий генерал хунг дал нам всем пример, совершив самоубийство из-за чести, и вдохновил меня на добродетель. То бишь не на такую добродетель, чтобы совсем без баб, но в общем.

Туут вздохнул и вытер ладонью потный лоб.

– Конечно, это я шучу. Ну, конечно, не очень хорошо шучу, потому что по поводу чужого несчастья... В общем, я хочу дать тебе шанс. Если тот гусяр, о котором ты говорил, не выяснит, что происходит, и не защитит нас от магии – заберешь Алию. А я тебе за нее все равно заплачу, хоть и заберешь. Я дам тебе фургон и коней, и еще чего пожелаешь.

Кестель поразмыслял с минуту, затем покрутил головой.

– Ты с ней говорил про ту магию?

– Нет, – ответил Туут.

– Может, с того и следовало начать?

– Тот фургон, про который я говорил, я тебе даю в долг. Вернешь его в Арголане – если доедешь, конечно, – сказал Туут и притом скривился – наверное, уже посчитал фургон безвозвратной потерей.

Алия крепко спала и не проснулась даже от скрежета засовов. Но когда Кестель вошел и посмотрел на нее, открыла глаза – однако тут же закрыла снова.

– А, Нетса, – сонно буркнула она.

– Мы можем поговорить?

– Отчего нет? Даже и приятно.

– Алия, я не знал, что ты якшаешься с магами.

Она села в кровати – похоже, разозлилась. Пышные длинные волосы Алии спутались комками, но даже и так смотреть на Алию в постели был приятней, чем смотреть на Алию ухоженную и одетую.

– И как я это, по-твоему, должна понимать?

– Кто тебя охраняет?

– Думаешь, я тебе скажу?

– Ну похвастайся знакомствами.

– Ох, Кестель, какой же ты милый... – сладко пропела Алия, уже целиком проснувшаяся и заметившая, как Кестель смотрит на нее. – Однако я нравлюсь тебе. Тут все на меня таращатся так, будто сто лет не видели женщины.

– Я одного не понимаю: если твой маг настолько силен, как тут все твердят, отчего ты еще под замком? – поинтересовался Кестель, не обративший внимания на насмешку.

– Так я отдыхаю. А ты милый, я же сказала... зачем же мне бежать от милого?

Кестель уселся за стол, подпер голову рукой. Алия улеглась, повернулась к нему спиной и накрылась одеялом. Кестель удивился себе. Ведь должен был ненавидеть ее за то, что она сделала с ним, а он будто встал после подножки, равнодушно отряхнулся и спокойно пошел восвояси.

Да, и к умиранию можно привыкнуть – конечно, если оно случается не слишком часто. Наверное.

Кестель вспомнил и вздрогнул. Нет, к такому не привыкнешь.

– А какая она была, та женщина? – спросила Алия из-под одеяла.

– Какая именно?

– Ну та, с медальона. Из-за которой ты травился.

Она знала. Ну, конечно, она же говорила об этом сама.

Ему не хотелось разговаривать с ней на такие темы, но вдруг подумалось: ведь если откроешься перед ней, пусть самую малость, может быть, и она расскажет что-нибудь о себе...

– Красивая. И очень хорошая. Самая лучшая.

– Самая лучшая?

– Знаешь, я не могу мыслить о ней иначе.

– Самая лучшая, – повторила Алия, и из-под одеяла послышался смех. – Кестель, я не хотела тебя обидеть. Ты ж со мной откровенный и всякое такое. Но более идиотического описания возлюбленной я не слышала за всю мою жизнь.

Кестель пожалел о том, что рассказал.

– Для меня ты и вправду милый. Я знаю всю твою любовную историю. Кое-где люди передают ее из уст в уста, и не устают. И я все удивляюсь. Ведь когда ту девушку закрыли в башне, ты, вместо того чтобы пойти на дракона, забился в угол и трясся со страху, ожидая, пока ее освободят. Когда герои погибли, ты предпочел отравиться, а не пойти вслед за ними. А когда тебя спасли, ты пошел по бабам. Твоя любимая по-прежнему сидит в башне, ты носишь на шее медальон с ней как шимскара и говоришь мне, что она – самая лучшая.

– А ты думаешь, что я...

– Кестель, ты безнадежен, – перебила его Алия.

– Я ничего не мог сделать для нее.

– Я как женщина такие твои глупости просто презираю.

– Но дракон непобедим, – возразил Кестель.

– А что, лучше жить подзаборной грязью? Я могу понять, что ты уже не любишь ту женщину, потому что колдун, который тебя заклял, уж точно не дилетант. Но разве тебе ее не жаль, вот так запросто, по-людски? Если не по любви, то отчего ты не пошел к башне хотя бы из порядочности? Может, ты не победил бы дракона, но уж точно надоел бы постоянными возвращениями. Хотя, конечно, я в этом сомневаюсь.

Кестель с тревогой посмотрел на Алию, но увидел только укрывающее ее одеяло.

– Это уже в прошлом, – сказал он. – Ты не знаешь, как это – умирать.

Она зевнула.

– Да мне все равно. Только знаешь, не хотела бы я быть твоей женщиной.

Кестель солгал. То, что он хотел оставить в прошлом, возвращалось каждую бессонную ночь. Он просто не хотел мучить себя разговорами об этом.

Алия отбросила одеяло и снова уселась на кровати.

– Кестель?

Он посмотрел на нее.

– Ты помнишь того плоскомордого, мывшего пол в трактире, в Клоокблоке?

– Помню.

– Я тогда тебе кое-что рассказывала о хунг, с которыми жила, о муже и жене. Я забыла их имена, но это не важно, ведь ты знаешь, о ком я. Ведь знаешь?

– Знаю. И что? – сказал Кестель.

– Ведь это она заказала ордер на меня. По ее поручению ты словил меня.

Кестель удивился – но не хотел показать Алие насколько.

Но она все равно заметила.

– Ну, теперь я знаю наверняка. Хотя, честно говоря, это и не мог быть никто другой. У меня нет других врагов – по крайней мере живых. А в особенности таких, которые могли бы

поведать настолько душещипательную историю, чтобы владыка Арголана согласился выписать ордер.

– Думай, что хочешь, – буркнул Кестель.

– Я тебе кое-что скажу. Ты хоть задумывался, отчего Виана ДаХан до сих пор не убила меня, хотя я уже сколько месяцев шляюсь по лесам и стараюсь, чтобы обо мне слышали все и повсюду? Отчего она осмеливается встать против меня только в Арголане?

– Наверное, ты мне это сейчас расскажешь.

– Нет уж, догадайся сам. А я хочу с тобой договориться.

– Не договоримся мы, – отрезал Кестель. – Я доставлю тебя в Арголан.

– Да не смейся меня. Сам ведь спрашивал, что я еще тут делаю.

– А ты сказала, что я милый.

– Ну да, эдак по-младенчески, идиотично и наивно. Я кое-чего от тебя хочу, и могу заплатить за это очень много, – сказала Алия.

Он промолчал.

– Тебе пообещали, что снимут заклятие, если соберешь мозаику?

Он стиснул зубы,

– Я же вижу, как ты мучаешься. Иногда подволакиваешь ноги, иногда даже не можешь поднять кружку. Хмельное пролетает сквозь тебя как вода, не принося облегчения. Ты вообще не спишь. И я знаю, что это из-за чар, которые сделали тебя бессмертным. Умирание оставляет следы.

Она уселась в кровати. Растрепанные волосы заслонили лицо. Она говорила медленно, и в ее глазах Кестель заметил то, что уже видел однажды – когда Алия убивала его.

– И что это за мозаика?

– Плохой из тебя актер. Врешь совершенно неубедительно.

– А ты читаешь во мне, как в открытой книге?

– Именно так, – подтвердила Алия. – С чего бы тебе выслуживаться перед плоскомордами, если не хочешь добыть у них информацию о мозаике? Они-то уже давно нищие.

– Я не выслуживаюсь ни перед кем.

– Да перед всеми! Перед Вианой, чтобы добыть информацию, потом перед чародеем. Но есть и те, кто лучше обойдется с тобой, облегчит муки и поможет отплатить магу.

Кестель начал тревожиться всерьез. Алия жадно вглядывалась в его лицо, ловила каждое движение.

– Мне нужна мозаика для мести Ордену!

– А что мне до твоей мести? – вставая, сказал Кестель.

– А что тебе до мозаики? Ведь не все же равно, правда? А что тебе до мести Вианы ДаХан? Ты и вправду считаешь, что я так уж разнуюсь с ней?

Алия попала в точку. Кестелю не хотелось ничего отвечать ей.

– А я все удивлялась, отчего Виана не попросила тебя попросту меня прикончить. Ведь если она решила, что тебе удастся привезти меня в Арголан, отчего не решить, что ты сможешь и избавиться от меня? Но ты сам подтолкнул меня к ответу.

– Я?

– Ну да, в Багровой корчме. Ты сказал, что смерть там была бы слишком легкой для меня. Тогда меня и осенило: Виана ДаХан приготовила для меня что-то особенное. И вряд ли дело только в бое на Арене. Виана тебе, случайно, не рассказывала? Если я случайно попаду в Арголан, буду иметь это в виду. Так что спасибо.

– Думай, что хочешь, – буркнул Кестель.

– Да перестань повторять! Я всегда думаю, что хочу. Я-то полагала, что Виана хочет убить меня своими руками. Обычное дело для ошалелой ненависти. А теперь я вижу, что недооценила Виану. Дуэль – дело рискованное, а даже если бы Виане удалось, это бы не насытило ее

жажду мести. В сущности, мы похожи. Она тоже считает, что мало победить. Побежденные должны мучиться.

Кестель сперва думал, что Алия издевается, но чем больше глядел на нее, тем больше сомневался. Она же и вправду думала так и не видела разницы между собой и Вианой, которой причинила столько зла.

Он пошел к двери.

– Да ты подумай хорошенько, – заговорила вслед Алия. – Я тебя освобожу из-под власти заклятий, и тот маг перестанет тебя мучить, захочет он того или нет. Ты только попроси. Ведь Виана не без повода боится меня.

– А-а, значит, все тебя боятся.

– Если не попросишь – этот караван сгорит. Как будешь жить с таким на совести?

– А ты как будешь?

Кестель вышел из фургона, не дожидаясь ответа. Он подозревал, что уж Алия совершенно спокойно проживет с таким на совести. И еще со многим.

Она была красива, жестока, ловка как дьявол, язык имела крайне ядовитый, однако все ее свойства были только дымовой завесой. Конечно, Виана боялась – того же, чего боялись Туут и Круг, и сам Кестель.

Идущего по пятам Алиии мага.

Глава 9

По опыту Кестеля гусяры обычно жили по окраинам, в жутких мазанках. Дом гусяра обычно был самым дрянным в целой деревне, по тому его и распознавали.

Но гусяр Ребиер жил не в мазанке, а в белой вилле, к тому же с молодой симпатичной служанкой, прибиравшей и вкусно готовившей. Хотя уже смеркалось, Ребиер попросил служанку заварить гостям кофе.

– Она варит и магические микстуры, – поведал гусяр Кестелю, когда оба уселись в кресла в гостиной. – Я, как понимаешь, сам не могу и яйца всмятку сварить. Очень способная девушка – и в постели тоже.

О Ребиере ходили разные слухи – например, поговаривали, что он когда-то был в Неотмщенных. Кестель не имел понятия о том, насколько это может быть правдой. Он лишь однажды видел отряд этих рыцарей в пурпурно-черных плащах, украшенных бриллиантами, с посмертными масками на лицах. Внушительное зрелище.

Но Кестелю всегда казалось, что если уж пошел с такими, как Неотмщенные, то это на всю жизнь. А про гусяра говорили, что он был с ними, но ушел.

Кестель рассказал о своих проблемах и спросил, может ли Ребиер помочь.

– Заблокировать такую магию, от которой ментальные псы писаются от страха? – риторически спросил Ребиер и помотал головой. – Это как с мадонами. Лучше зарыться поглубже и не дать заметить себя.

Одетая в белое служанка принесла кофе в белых фарфоровых чашках. Слишком уж много белого на этой вилле. Но кофе – черный.

– Пан Дунтель еще отдыхает? – осведомился Ребиер.

– Да. Он еще не попросил завтрака, – ответила девушка.

– Это мой гость, старый знакомый, – пояснил Ребиер.

Служанка неслышно удалилась, оставив после себя легкий запах благовонных масел, тут же заглушенный могучим кофейным ароматом.

– Стопроцентная арабика, копи лувак, – похвастался гусяр. – Знаешь этот кофе? Ты не согласишься тому, откуда берутся зерна.

– У меня сейчас другие проблемы.

– Твои проблемы неразрешимы. Единственное, что можешь сделать – это скрыться из вида. И выпустить эту Алию.

– Не могу, – сообщил Кестель.

– Ты вообще не возвращайся к ним. Если ее охраняет настолько могучий маг, то она может удрать в любую минуту, и вообще может сделать все что угодно. Отчего она все еще не удрала? На твоём месте я задумался бы о том, чего она хочет от тебя.

– Я же говорил тебе, что ищу мозаику.

Кестель отнюдь не радовался тому, что пришлось поделиться секретом с Ребиером. Но раз уж знала Алиа... вопрос, откуда она узнала? И это сильнее всего тревожило Кестеля.

– Может, оттого она и позволила тебе себя схватить, – задумчиво произнес гусяр.

– Позволила? Ага. Я ее выследил и взял с боем.

– Может, и так. А может, это такая же правда, как и то, что Неотмщенные – это на самом деле не отомщенные.

Гусяр рассмеялся, но в его смехе слышалась горечь.

– Она убила бы тебя, если бы захотела.

– А ты был одним из них? – оживившись, спросил Кестель.

Гусяр махнул рукой – мол, оставим. Рука у него была страшно изувеченная, лишенная ногтей.

– Да, я слышал, что про меня рассказывают. Неотмщенные – страшные люди. Они никогда не смеются.

– А ты совсем другой, да?

– Конечно, – ответил гусяр и ухмыльнулся во весь рот. – С чего бы мне не смеяться? Знаешь, в определенных кругах ходят слухи о том, Орден Ама – тот самый, из которого удрала Алия, – был причастен к резне хунг.

– Те самые волосатые бабы, шляющиеся по замковым дворам?

– Я про их магию, – пояснил Ребиер.

– Их? Они же драчливые, как волчицы, славятся умением резаться, и у каждой руки в крови.

– Конечно, те, которые вояки – они вряд ли колдуют. Однако, если Орден Ама и в самом деле имел отношение к войне с хунг, то Алия может и знать, какую роль сыграла мозаика и что задержало магию под Нортхем. Потому Алия и может искать мозаику. Потому и присутствие мага меня не удивляет – кем бы он ни был.

– А вот меня удивляет. Она знает, чего я ищу – и это очень странно, – сказал Кестель, который хотел услышать что-нибудь дельное, а не пустопорожние рассуждения.

– Честно тебе скажу: было бы лучше, если бы ты скрылся от того мага, – крутя чашку в пальцах, посоветовал гусяр.

– Вряд ли мне что-либо сделает даже архимогучий маг. Я в последнее время шибко устойчивый.

– Я уже ощутил. Так это побочный эффект заклания бессмертности?

Кестель пожал плечами. Не стоило чересчур глубоко запускать гусяра в свои дела.

– Но мир-то вокруг тебя не слишком устойчивый. Как я уже говорил, единственный шанс – укрыться под землю. Бери свою пленницу и как можно скорее иди вниз. Пусть ты и устойчивый к магии, и убить тебя нельзя – это вовсе не значит, что тебе ничего не грозит.

Кестель взял чашку, отпил глоток.

– Значит, под землю.

– Маг-хранитель Алии может учинить что-нибудь неожиданное.

– Я не смогу под землей, заблужусь в тех проклятых Лабиринтах. Хм, а ты, если что, пошел бы со мной?

Ребиер хохотнул, с странным блеском в глазах глянул на Кестеля и спросил:

– А с чего ты вообще гонишься за мозаикой?

Кестель молча посмотрел ему в лицо.

– Ладно, не хочешь – не говори. Но если мне идти с тобой, я предпочел бы знать побольше.

– Так ты пойдешь?

– Ну, я пошел бы, точно пошел... но так удачно вышло, что мой гость, Дунтель, ну, про которого я тебе уже говорил, тоже направляется в Арголан. А Дунтель ходит исключительно под землей. И когда приходит навестить меня, идет по Лабиринтам

Кестель даже подался вперед – так заинтересовался.

– А почему исключительно под землей?

– У него свои причины. И он очень хорошо знает Лабиринты.

– Но под землей же нужно пешком, – напомнил Кестель.

– Это одна из причин. Дунтель не ездит верхом и не носит меча.

– Он ходит безоружным?

– Я этого не говорил. Он тебя проведет, не откажет. Он очень любезный.

– Ненавижу Лабиринты, – признался Кестель.

– А кто их любит? В нескольких часах отсюда руины замка Готхерн. Там вход. Я попрошу, чтобы Дунтель подождал тебя там.

Кестель согласился. Хотя ему не хотелось спускаться в Лабиринты, такое решение казалось самым разумным.

– Только я хочу тебя кое о чем попросить, – сказал гусяр.

– О чем же?

– Дунтель может показаться тебе неприятным, раздражать... но не надо выказывать ему неуважения. Что бы ты про себя ни подумал – не выказывай неуважения к нему.

– А ясней не можешь выразиться?

– Тебе не понравится, если я выражусь ясней, – заверил гусяр. – Ты только помни: все будет как надо, если будешь внимательно и вежливо разговаривать с Дунтелем и уважать его.

– Потому что он из тех, кого стоит уважать?

– Ох, из тех самых, уж поверь.

Кестель кивнул, отпил кофе.

– Замечательный он у тебя. Вкус исключительный.

– Правда? А некоторые ведь переживают из-за того, что этот кофе добывают из дерьма циветт. Но вкус ведь и вправду непревзойденный. Ты пьешь именно такой кофе, какой подают при княжеских дворах. И еще на моей белой вилле.

– Из дерьма циветт? – спросил Кестель и с опаской заглянул в чашку.

– Я же говорил, что это копи лувак.

Да, он говорил, спору нет. А еще он говорил идти в Лабиринт. Кестеля пробивал холодный пот при одной мысли о Лабиринтах. Но только Живые лабиринты могли охранить от мощи колдуна. А Кестель подрядился привести Алию в Арголан.

В конце-то концов, раз взялся – надо делать.

Бомол злился. А как тут не злиться? Алия Лов выполнила за него мясницкую работу, а Бомол опоздал и остался ни с чем. Теперь придется тяжело и долго наверстывать упущенное.

Паяц затаился неподалеку от ловчего каравана, съехавшего вечером с тракта и остановившегося на просторной поляне. Паяц скучал и слушал птиц, щебетавших обо всем вокруг.

Слушать птиц – лучшее развлечение. Они ни на чьей стороне, им все безразлично, а треплются про все вокруг чисто из поэтических наклонностей. Бомолу тоже почти на все было наплевать, а скука была главным ощущением его бытия.

И то, кто где в обозе и чем занимается, и про магию, и про Алию Лов – паяц все пропускал мимо ушей. Хотя, может, и не стоило. Походило на то, что кто-то может составить конкуренцию паяцу.

Когда Кестель выехал из каравана на заемном коне, паяц двинулся следом, но быстро отстал. Пришитые людские ноги – не ровня конским. Оттого паяц разозлился и, когда встретил молодого сплетника-болванчика, не способного рассказать ничего интересного, свернул ему голову. Затем Бомол вернулся к своему дереву и прислушался к птицам. Те пели о том, что человек на коне посетил белую виллу утешителя мертвых. Оттого Бомол обеспокоился, потому что раньше птицы пели о некоем странном госте на вилле, будившем страх и отвращение. Но когда Кестель покинул виллу, а тот гость остался, паяц тут же забыл о нем.

Бомол обдумывал то, как можно захватить Нетсу. Драться без толку, паяц уже понимал, что не совладает с таким соперником.

Оставалось только идти след в след и ожидать подходящего случая. Конечно, вряд ли представится настолько восхитительная возможность, как упущенная недавно – но что-нибудь да подвернется. Тактика ожидания всегда оправдывала себя. С ее помощью Бомол уже добыл много экспонатов для своей коллекции.

Главное – терпение.

Утром караван двинулся в дорогу. Готхерн был не по пути, но Туут согласился дать небольшой крюк – и выглядел притом, будто сбросил камень с плеч.

– Это же точно лучшее решение проблемы! – объявил он, страшно довольный тем, что не придется отдавать фургон и коней, и тактично решивший не упоминать об этом. – Хоть бы только успеть до тех пор, пока она и тот маг не разберутся, что к чему.

Близ полудня показались стены Готхерна. Построенный из синего камня замок когда-то был одной из красивейших твердынь хунг. К несчастью, твердостью камень сильно уступал красоте, и замок пал после недолгой осады. Канавы наполнились кровью древнего народа. Победители не хотели занимать замок и постарались разрушить его. Синий камень порос густым мхом, в руинах поселились кролики и змеи.

Кестель собирался в поход. Левая рука по-прежнему немела, едва он стискивал ладонь в кулак. Туут выдал целый мешок сушеного мяса, в общем, лез из кожи вон, чтобы Кестель не передумал.

В дверях появился Круг, без усилий заскочивший в медленно едущий фургон.

– Вот твой страшно холодный медальон, и прочее, и вещи Алии.

Кестель молча забрал принесенное.

– Я только раз в жизни ходил через Живые лабиринты. Такое не забывается. Ты был там когда-нибудь?

– В общем, нет. Хотя вообще-то заглядывал пару раз. Но ненадолго.

– Теперь побудешь дольше, – пообещал Круг и ушел.

А Кестель открыл медальон, долго всматривался в лицо женщины и не ощутил ничего, кроме усталости. Затем Кестель вложил медальон в левую руку, медленно стиснул окоченелые пальцы. Облегчение пришло сразу: в жилах потекла кровь, рука стала отогреваться, оттаивать, вздрагивать – оживать.

Кестель тревожился. Убегая от одной магии, он направлялся в место магии куда сильнее, и к тому же положился на человека, которого толком не знал. Осталось лишь надеяться на то, что незнакомец сумеет провести сквозь самый удивительный и странный из лабиринтов.

Снаружи слышались голоса, фурунны один за другим останавливались. Вскоре остановился и фургон Кестеля. Он повесил на шею шимскар, взялся за свои мешки и вышел наружу.

Алия была в нескольких фурунах от него. Он издали заметил возню: команда ловчих под начальством Круга, сидящего на красивом сером коне, отодвигала засовы и отпирала замки.

Алия сидела за столом и раскладывала карты.

– Собирайся, пойдём, – велел Кестель.

– Куда?

Он одним движением сбросил карты на пол.

– Подальше от господина Туута. Или тебе понравилось у него?

– Кестель, это ничего не изменит.

Она хотела сказать что-то еще, однако он не стал слушать, но кинул ей плащ. Алия попросила маску, получила ее и немедленно надела, затем любезно протянула руки, чтобы Кестель связал их. Он связал их и выпихнул Алию наружу, где поджидал глава каравана.

– А вон и твой проводник, – сообщил тот и показал в сторону руин, где виднелся чей-то силуэт.

До разрушенных стен оставалось две тысячи шагов по пышному зеленому лугу.

– Надеюсь, что это он, – сказал Кестель. – Господин Туут, до встречи в Арголане.

Кестель кивнул ему, а затем, без особой охоты – Кругу.

Те махнули ему рукой.

Они шли по колено в траве, Кестель подгонял Алию. Сзади доносилось ржание, скрип и лягз отъезжающего каравана. Кестель обернулся и увидел, что Туут и Круг глядят вслед.

Снова начала деревенеть рука. Кестель снял шимскар и потянул Алию за собой. Та тихо выругалась.

– Зачем мы здесь?

В ответ он потянул сильнее. Она рванулась, разозленная прикосновением, посмотрела на шимскар в ладони Кестеля.

– Ну ты и убогий!

Он не ответил. Хоть бы рука прошла прежде, чем доберутся до входа в Лабиринт.

– С такими медальонами на шее рыцари едут на драконов. Он – пламя, распалюющая их ярость. А ты, ничтожество, держишь его как шимскар, чтобы успокоить свои болячки. Ты еще помнишь то, что там до сих пор ее портрет?

Кестель всматривался в небо, боялся, что маг кинется на него в обличье хищной птицы или даже огнедышащего дракона.

Алия крайне раздражала Кестеля. Он пожалел, что дал ей маску, потому что теперь ничего не мог прочесть на ее лице.

– Когда умрет женщина в башне, шимскар потеряет силу и ничто больше не принесет тебе облегчения.

Кестель промолчал.

– Но зато усилится другая магия. Если продашь медальон какому-нибудь магу – озолотишься. Ну что, ты обдумал мое предложение? Позволишь себе помочь?

– Я вижу, ты любишь говорить сама с собой, – заметил Кестель.

– Уж лучше, чем с дураками. Если мне не поверишь – уж точно ты дурак.

Она замедлила шаг. Кестель осмотрелся. Высокая тут трава. Сочная. Наверное, эту землю удобрили вырезанные под корень хунг. Но Кестель опасался не мертвых.

– А может, тебя заинтересовало бы известие о том, что тот якобы случайно попавшийся тебе маг, который и сделал тебя бессмертным, – именно тот, кто создал мозаику?

Кестель мимо воли посмотрел на Алию, забыв, что увидит не лицо, а только серебро маски. Маска плакала кровавыми слезами.

– Правда же, любопытно? Такое стечение обстоятельств. Попавшийся тебе чернокнижник – это ВанБарт, тот самый, помогавший хунг в войне с Тринадцатью княжествами. ВанБарт тебе представился? Или позабыл?

Кестель вспомнил о том, что говорил гуслир про роль Ордена в войне с хунг, и о том, сколько может знать Алия.

– Мы оба знаем: чтобы сложить мозаику, укрытую хунг, нужно обладать некоторыми способностями... а ты по счастливой случайности ими как раз и обладаешь. Это, наверное, и объясняет, зачем тебе сохранили жизнь.

Алия пошла еще медленнее, хотя Кестель все яростней тянул и пихал ее. Она рассмеялась.

– А может, объясняет и то, зачем ты, потрепав языком про свое будущее геройство, так и не пошел под драконову башню. Есть одна июньская травка, вызывающая приступ страха, если ее добавить в пиво. Может, ВанБарт тебя и убедил в том, что дракон непобедим, и подсунул травку? Но что было потом, после того как погибли ушедшие к башне? Что ВанБарт пообещал тебе? Что знает заклятия, позволяющие победить? И ты ему поверил? Ведь поверил – и выпил схарет, который простолюдины считают лютой отравой. И ведь не зря считают, он отравы, но не тогда, когда под боком бормочет заклятия могучий маг.

Алия умолкла и впиалась взглядом в лицо Кестеля. Тот отвернулся, уставился на небо. Дьявол ее раздери, откуда она столько знает?

– Ну что, и ты согласился? Ведь да? – жадно спросила она. – Кестель, ты ведь ощутил в себе силу. Тебе показалось, что ты можешь одолеть дракона.

К нему снова пришло давешнее чувство – будто проснулся после той отравы. Он тогда ощутил не силу, а отчаяние и безнадежность. Он тогда два дня блевал и ослаб так, что не смог бы и поднять меч. Тогда о Кестеле позаботились два старика из корчмы на краю города.

О том не хотелось вспоминать, а Алия не унималась.

– А может, ты ничего и не ощутил, а чувство, придававшее твоей жизни смысл, внезапно угасло? Если уж к тебе пришла сила, отчего ты не пошел на дракона? Отчего ты кинулся громить корчмы и тамошних девок? Тебя, небось, самого поражало то, что недавно ты мог любить, и как любить... Кестель, заклятия обычно имеют побочные эффекты, а уж в особенности заклятия самые сильные. Дезориентация, потерянности... ты же пил горькую, дрался, любил. Всего слишком, сверх меры, ведь выпивка не приносила забвения, а купленная любовь не утоляла жажду. В Багровой корчме сильнейший наркотик едва поправил тебе настроение. Тогда я единственный раз видела, как ты смеешься. Я же вижу, как ты мучаешься, как тебя не слушается собственное тело. Я знаю, до чего дошел ВанБарт, когда создавал мозаику. У него просто нет совести. И чего же он пожелал за снятие заклятия?.. Хм, мы ведь оба знаем, чего он пожелал.

– И откуда все эти откровения? – буркнул Кестель.

Он уже с пару минут назад понял, что Алия блефует. Он знала далеко не все. ВанБарт ничего не пожелал. Маг пропал после того, как вывел отраву из тела Кестеля, и никогда больше не встречался с Кестелем.

– Ты не боишься смерти, магия на тебя не действует, и чувства твои не глубже того горшка, в который я писала в Багровой корчме. И боли ты не чувствуешь, как другие люди...

Алия умолкла, а потом нерешительно добавила:

– Ох, ты был прямо образец стойкости, когда Хавараш ломал тебе колени. Трудно было бы тебя к чему-нибудь принудить или вырвать признание, заставить выдать тайну. Тебя не одурманить и не обмануть магией, даже и подкрасться к тебе трудно, потому что ты не спишь. По сути, у тебя нет слабых сторон. ВанБарт сделал из тебя идеальный инструмент.

Алия напряженно всматривалась в Кестеля. Весь разговор был пробой, попыткой вывести, распознать. Алия искала подтверждения своим словам в реакции Кестеля.

– Есть люди, которые освободят тебя от последствий заклятия и снова сделают человеком – в обмен на мозаику. Тебе не придется служить ВанБарту.

Настроение Кестеля вовсе испортилось. Алия Лов знала так много, будто нарочно собирала информацию о нем. Может, гусяр говорил правду. Если бы Кестель сам не поймал Алию, их дороги наверняка бы пересеклись.

– Ты думаешь, будет лучше, если я стану служить тебе? – поинтересовался он.

Ответить Алия не успела. Они уже подошли вплотную к руинам, и навстречу поднялся человек в белом. Кестель решил не оставлять медальон на шее и спрятал его в мешок. В кипящих от магии Лабиринтах шимскар мог бы ошалеть.

– А, господин Кестель и его прекрасная пленница!

Хотя лицо Алии заслоняла маска, Дунтель казался очарованным.

– Здравствуйте, господин Дунтель, – вежливо поздоровался Кестель.

– Я очень рад встретить вас. Наш общий друг говорил мне, что вы хотите как можно скорее добраться до места.

Дунтель не походил на путешественного, а, скорее, напоминал аристократа, на минутку покинувшего бал, чтобы глотнуть свежего воздуха. Дунтель носил перевязанные широким поясом штаны, толстую просторную рубаху, плащ до колен, вышитый мелкими самоцветами, – и все ослепительно белое, словно только что из прачечной. Кестель задумался над тем, всегда ли Дунтель одевался так – или это гусяр одарил его белыми одеждами на белой вилле?

После войны в целиком разрушенном замке Готхерн отстроили только низкие ворота, ведущие в подобие пещеры. Туда и направились путники.

Дунтель толкнул рукой в белой перчатке массивные, окованные железом, но лишённые замков двери. За ними ступеньки уводили в темноту. Неподалёку лежал белый дорожный мешок. Дунтель взвалил его себе на плечи и сказал спутникам:

– Я пойду первым, а вы будьте добры держаться за мной.

Они пошли во мрак. А у Алии, похоже, начисто пропало желание вести разговоры.

Глава 10

Спускались они в кромешной темноте. Впереди ступал Дунтель, за ним – Алия, которую Кестель, на всякий случай, держал в безопасном отдалении от проводника. Кестель взял ее за руку. Алию била дрожь.

Чем ниже сходили, тем большее Кестель чувствовал облегчение и тем меньше опасался мага. Живые лабиринты разрушали структуру посторонней магии и сильно ограничивали ее. Кестель не совсем понимал, отчего так, но особо не задумывался. Ему хватало одного лишь знания о том, что маг лишается сил по мере углубления в Лабиринт.

Зато из самих живых подземелий так и веяло мощью, пусть и магической, но не союзной Алие. Лабиринты сами себе устанавливали правила и законы.

Спускались целую вечность, внезапно оборвавшуюся на последней ступеньке. Путники очутились в огромном зале, где тьма уже не была настолько кромешной. В чашах, закрепленных на каменных столбах, тлею неугасимое пламя, скупо освещающее подземелье.

Зал был круглым, и в его каменных стенах виднелись сотни дверей.

– Их семьсот восемьдесят семь, – сообщил Дунтель. – Это все выходы. Сквозь какой вы хотели бы пройти?

– А это имеет значение? – спросил Кестель.

– Само собою, нет. Конечно, если это не Белые двери, – ответил Дунтель и рассмеялся.

Смех прозвучал не очень весело.

Кестель тут не видел ни единой Белой двери, хотя, наверное, должны были попадаться и такие. Он слышал легенды о Белых дверях в Живых лабиринтах, но не знал, насколько им можно доверять.

– Быть может, госпожа выберет? – спросил Дунтель и вежливо склонил голову в ожидании ответа.

Ответа Дунтель не дождался.

– Я прошу прощения за навязчивость, но, по-видимому, выбор остается за мной.

С тем Дунтель шагнул в сторону ближайшей двери. За ними оказался узкий, но постепенно расширяющийся коридор. Вскоре путники уже могли идти бок о бок. В стены были вделаны чаши с тлеющим магическим огнем.

– Сколько времени может занять дорога до Арголана? – спросил Кестель.

– Это уж как получится. Если Лабиринты нас полюбят, проведут за несколько часов. А если нет – можем провести тут и несколько недель. Я полагаю, вы понимаете, в чем у нас проблема.

Да, Кестель понимал, и даже очень хорошо.

– В ней? – риторически спросил он.

– Да. Если Лабиринтам она понравится больше, чем мы, то они проведут нас туда, куда хочет попасть уважаемая госпожа. Как мне кажется, это не Арголан.

Алия по-прежнему молчала.

– В таком случае мы, по крайней мере, узнаем, чего хочет госпожа, – невозмутимо продолжил Дунтель. – А это, принимая во внимание красоту и привлекательность госпожи, о которых я столько слышал, представляется мне необыкновенно интересным.

– Ты, наверное, не слишком внимательно слушал, – буркнула Алия из-под маски.

– Напротив, очень внимательно. Пожалуйста, поверьте мне: ваши убеждения и желания мне чрезвычайно интересны.

Кестель сильно сомневался в этом. Выражался Дунтель на редкость вежливо, но оставался притом крайне холодным и равнодушным.

И почему только Ребиер взял в голову, что Кестелю захотелось бы выказать неуважение этому человеку? Лишь потому, что у Дунтеля нет видимого оружия?

Нет уж, Кестель не чувствовал ни малейшего желания обижать Дунтеля.

Поначалу встретили только консерватора. Шаркая ногами, он брел вдоль стены и чистил чаши с огнем. Консерватор не обратил внимания на путников.

Вечный огонь пусть и звался вечным, но требовал ухода. Дунтель попросил не становиться на пути консерватора и не мешать его работе.

Затем путники миновали несколько перекрестков, молча прошли мимо красивых Белых дверей с вырезанным на них символом, напоминающим вписанный в звезду крест. Похоже, Дунтель выбирал дорогу наугад. После нескольких поворотов Кестелю показалось, что он узнает уже пройденное место.

Но он знал, что на самом деле не важно, куда они идут. Важно то, что трое незваных гостей показывают Лабиринтам себя, а те, присмотревшись, в любую минуту могут показать выход.

Если, конечно, захотят.

– Вы когда-нибудь задумывались над феноменом Живых лабиринтов? Над деформациями пространства, времени и всех известных нам законов физики? – спросил Дунтель.

– Задумывался, – ответил Кестель. – Но не очень надолго.

– Распространенный и вполне естественный ответ, – заметил Дунтель. – На самом деле надолго или нет, тут не имеет значения. Тайна остается тайной... а сейчас, пожалуйста, медленней и осторожней.

Дунтель замедлил шаг, всматриваясь во что-то впереди. Кестелю потребовалась минута и несколько шагов, чтобы понять, на что он смотрит.

Путь преграждало дерево – удивительное, поросшее серой шерстью. Оно заполняло собой весь туннель, но было похоже на то, что, отодвигая низко свисающие ветви, можно пролезть вблизи ствола.

– Протиснемся? – спросил Кестель.

Дунтель помотал головой.

– никоим образом не хочу вас уязвить, но, знаете ли, слишком простое решение проблемы не произведет впечатления на Лабиринты. Обойти это дерево будет словно подсмотреть на экзамене. Наверное, экзамен можно будет пересдать, но, прежде чем нас допустят до пересдачи, может пройти немало времени.

Кестель понял, что крылось под вежливыми словами. Если перевести на обычный язык дипломатичность Дунтеля, то он предупреждал о том, что прямолинейность и глупость могут обернуться застреванием в Лабиринтах на очень долгое время. Но как изящно было преподнесено!

– Эх, Нетса, ты у нас гений, – буркнула Алия.

Она заговорила во второй раз за все время хождений по Лабиринтам, и уж в ее словах изящности не было ни на грош.

Кестель присмотрелся к дереву. Его мохнатые ветки легонько покачивались, будто под невидимым ветром. Дерево казалось сонным и ленивым.

– Есть идеи? – спросил Дунтель.

– Не то чтобы много, – ответил Кестель.

– Срежь его. Это в твоём стиле, – посоветовала Алия.

Они стояли молча и смотрели на головоломку Лабиринтов. Серый мех казался мягким и пушистым, а само дерево – словно разлегшимся у камина.

Кестель подошел к дереву.

– Осторожно, – предупредил Дунтель.

Кестель коснулся ствола. Дерево наклонилось к нему. Он погладил его, оно удовлетворенно заурчало.

Оно и вправду будто мой кот.

Кестель погладил еще раз. Дерево, урча, улеглось под стеной и подтянуло ветки – освободило проход.

– Это глупо. Гротескно. Идиотично, – буркнула Алия Лов. – Это и есть требующие большого ума загадки Лабиринтов?

– Право слово, я поражен, – сказал Дунтель. – Мне бы и в голову не пришло.

– Наверное, у вас в детстве не было кота, – заметил Кестель.

– Да, в самом деле. Вообще говоря, я даже не помню, было ли у меня детство.

Потом они часами шли и шли вперед, на развилках случайно выбирали путь, иногда заходили в странные боковые двери, выводившие в другие туннели.

– Удивительное ощущение, – заметил Кестель. – У нас вполне конкретная цель, а нам все равно, куда идти. Ни один наш выбор не имеет значения, от нас не зависит ровно ничего.

– Не совсем так, – возразил Дунтель. – Важно то, как вы ведете себя, как ведет себя госпожа Алия и как веду себя я. Выбор имеет значение, но не всегда. А среди множества постоянно принимаемых нами решений есть определяющие наш дальнейший путь. Мы же выбираем направление, выбираем решение поставленных перед нами проблем, выбираем, как относиться друг к другу. Признаюсь, я никогда до конца не понимал Лабиринты, хотя уже много лет странствую под землей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.